

СВЕТЛЫЙ МАЙК ИЛИ НЕ БУДИТЕ СПЯЩУЮ БАБУШКУ

Анатолий Шигапов

Светлый Майк

Анатолий Шигапов

**СВЕТЛЫЙ МАЙК ИЛИ НЕ
БУДИТЕ СПЯЩУЮ БАБУШКУ**

«Автор»

2026

Шигапов А.

СВЕТЛЫЙ МАЙК ИЛИ НЕ БУДИТЕ СПЯЩУЮ БАБУШКУ /
А. Шигапов — «Автор», 2026 — (Светлый Майк)

В космосе есть две вещи, которых стоит бояться: имперских крейсеров и бабушкиных пирожков. И если от первых можно удрать, то от вторых — никогда. Семья Светловых — ходячий катаклизм: бабушка печет пирожки и раздает патроны с равной щедростью, дед изобрел кофеварку, способную заменить артиллерийскую установку, а их буксир «Медуза» держится только на честном слове и мате. Михаил Светлов, обычный парень без единого шанса на нормальную жизнь, вляпывается в историю, когда выясняется, что в их грузовом отсеке пять лет лежит артефакт, способный уничтожить галактику. Теперь за ними охотится капитан Коршунов — злодей с идеальным пробором и манией величия. Дальше — погони, перестрелки, предательства, неожиданные семейные тайны и выяснение отношений с помощью кофеварки. Потому что в этой семье даже выяснять отношения умеют с огоньком. Буквально.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

СВЕТЛЫЙ МАЙК ИЛИ НЕ БУДИТЕ СПЯЩУЮ БАБУШКУ

НАЗАД В БУДУЩЕЕ? НЕТ, В КОСМОС!

(Космическая одиссея)

Посвящается

Семье – тем, кто существует не только на этих страницах, но и в моем сердце. Тем, кто научил меня, что настоящая крепость – это не стены фортов, а люди, которые готовы прикрыть твою спину в перестрелке и накормить борщом после.

Моей бабушке – той самой, которая, как и Зинаида Игнатьевна, умеет одной рукой раздавать пирожки, а другой – метать гранаты. Ты всегда говорила, что в жизни главное – семья. И, как обычно, оказалась права. Только прости, что твой самогон пошел не на лечение, а на топливо для дедовой кофеварки. Оно того стоило.

Моему деду – вечному изобретателю, который чинит всё, от чайников до галактик, и чьи руки помнят больше, чем иные архивы. Спасибо за кофеварку. Работает до сих пор. Иногда стреляет, но это же плюс, правда?

Моим родителям – спасибо за то, что не выгнали меня из дома, когда в пятнадцать я собрал свой первый «жучок» из старого радио и микроволновки. Вы всегда верили, что из этого выйдет что-то путное. Ну, или хотя бы не сдавали имперской безопасности.

Моим друзьям – настоящим, проверенным огнем, водой и гиперпространством. Тем, кто не бросит в беде, даже если беда – это Коршунов с целой эскадрой. Тем, с кем можно и в разведку, и в бар, и в прыжок через аномалию. Отдельное спасибо Шурале из предыдущей жизни – ты был отличным другом, хоть и щекотун еще тот. Надеюсь, в этой вселенной тебя нет. А если есть – держись подальше от моей кофеварки.

Кёнигсбергу – городу, который стал не просто местом действия, а полноправным героем этой истории. Твоим руинам, помнящим больше тайн, чем иные имперские архивы. Твоим фортам, где мы прятались от всего мира и находили самих себя. Твоему небу, в котором столько раз загорались чужие звезды и гасли свои. Ты учил нас, что даже в самом темном подземелье можно найти свет. Или хотя бы бабушкин борщ.

Государству Российскому – в самом высоком смысле этого слова. Не как бюрократической машине с галактическими амбициями, а как дому, куда всегда хочется вернуться, даже если ты за краем Вселенной. Как земле, где перемешались кровь, пот и мечты стольких поколений, что иной раз кажется – сама почва здесь помнит полет Гагарина и шепот древних духов. Спасибо, что приняло нас. Со всеми нашими кофеварками, камнями и семейными тайнами.

Истории – той самой, которая учит нас, что всё повторяется, но каждый раз с новым багом. Тем, кто жил до нас и оставил после себя не только пепел, но и надежду. Древним русичам, имперцам, пиратам с Ориона и всем остальным – спасибо, что пришли в гости. Чайник на камбузе всегда горячий. Пирожки – свежие. Ну, если бабушка не разбомбила кухню очередным экспериментом.

Памяти тех, кто ушел, но остался в наших сердцах. Виту Ветрову – предателю, ставшему героем. Громову – старому разведчику, который умел исчезать, но всегда возвращался. Всем, кто не дождал до этого мирного заката, но чьи уроки мы помним каждой клеткой, каждым шрамом, каждой строчкой этой книги.

И последним – камню. Тому самому, янтарному. Ты был проклятием, угрозой и причиной всех наших бед. Но без тебя не было бы этой истории. Спи спокойно, гад. Или шевелись там, в своем янтаре. Нам уже все равно. Мы – Светловы. А Светловы не сдаются.

Дорогой читатель!

Если ты держишь эту книгу в руках (или смотришь на экран, или слушаешь аудиовersion в своем звездолете, пока дроид-официант несет тебе кофе – привет, Арнольд, если ты еще жив!), значит, ты готов к приключениям. А если не готов – ничего страшного, Светловы никогда не спрашивают разрешения, они просто врываются и начинают веселье.

Эта книга родилась из простого вопроса: «А что, если бы космическая «Стальная крыса» встретила с русским характером, бабушкиными пирожками и дедовой кофеваркой, которая стреляет плазмой?» И ответ оказался предсказуемым: получилась бы семья Светловых.

Знаешь, есть семьи, где по воскресеньям пьют чай с вареньем и обсуждают погоду. А есть Светловы. У них по воскресеньям – перестрелка на орбите, бабушка раздает патроны вместо пирожков, а дед чинит кофеварку, которая только что подбила вражеский истребитель. И все довольны.

– Мама, – спросил я однажды, когда мне было лет пять, – а почему у других детей бабушки вяжут носки, а наша стреляет из плазменного пистолета?

– Сынок, – ответила мама, поправляя прицел на своей винтовке, – просто наша бабушка вяжет носки с подогревом. Очень практично в космосе.

Я тогда поверил. Сейчас, спустя годы, я понимаю: она просто не хотела говорить, что наша бабушка – полковник имперской безопасности в отставке. И что носки она действительно вязала. Но между делом могла завалить взвод десантников.

Такие они, Светловы.

О чем эта книга?

Если коротко – о семье. О том, как три поколения космических бродяг пытаются выжить в галактике, где за них назначена награда, а единственное ценное имущество – ржавый буксир «Медуза» и дедова кофеварка.

Если длинно – садись поудобнее, наливай чай (бабушка советует с мятой, она успокаивает нервы после перестрелок) и слушай.

Внешне это космическая авантюра в стиле юмористической фантастики: погони, перестрелки, хитроумные планы и подлые предательства. Михаил Светлов (позже его назовут Светлый Майк, но это уже другая история) втянут в водоворот событий, где на кону – судьба галактики, древний артефакт и семейные тайны.

Но внутри – история о том, что дом там, где твоя семья. Даже если этот дом – ржавый буксир с вечно ломающимся гипердвигателем. Даже если семья – это бабушка-шпионка, дед-контрабандист, мама-разведчица и отец, который умеет только материться и вести корабль (но делает это виртуозно).

– Пап, – спросил я как-то, когда мы удирали от имперского крейсера, – а ты вообще умеешь что-нибудь, кроме как летать и ругаться?

– Сынок, – ответил отец, закладывая такой вираж, что у меня чуть мозги не вылетели через уши, – летать и ругаться – это главные навыки в нашей семье. Остальное приложится.

– А бабушка?

– Бабушка – исключение. Она умеет всё. Поэтому она бабушка.

Я тогда не понял. Сейчас – понимаю.

Кто все эти люди?

Михаил Светлов – это обычный парень, который мечтал о тихой жизни, а получил галактическую войну, кучу врагов и прозвище Светлый Майк. Он не герой в классическом смысле

– он не умеет стрелять как бабушка, не умеет чинить технику как дед и не умеет планировать операции как Громов. Но он умеет одно: не сдаваться. И, кажется, в нашей семье это главное.

– Майк, – сказал мне Громов однажды, когда мы сидели в засаде на астероиде, – ты знаешь, почему ты еще жив?

– Потому что везучий? – предположил я.

– Нет, – усмехнулся он. – Потому что ты слишком упрямый, чтобы умереть. Это семейная черта. У Светловых даже покойники иногда встают и идут пить чай.

Я тогда подумал, что он шутит. Сейчас – не уверен.

Бабушка Зинаида Игнатьевна – полковник в отставке, но в нашей семье отставка значит только то, что она теперь может стрелять, не отчитываясь начальству. Ее пирожки легендарны: говорят, один из них однажды спас экипаж тонущего корабля (долгая история, спросите у деда, он любит рассказывать). Ее самогон использовали как топливо для истребителя. И она единственная, кто может заставить замолчать даже Шурале (это персонаж из другой книги, но он иногда приходит в гости, шекотать всех подряд).

– Зина, – спросил ее как-то дед, – а ты никогда не жалела, что вышла замуж за контрабандиста?

– Жалела, – честно ответила бабушка. – Но потом поняла: с контрабандистом хоть весело. С нормальным человеком я бы умерла от скуки через неделю.

Дед Игнат – вечный изобретатель. Его кофеварка – это не просто кофеварка, это многофункциональное оружие, средство связи и, между прочим, отличная кофеварка. Он чинит всё, от микроволновок до гипердвигателей, и утверждает, что нет такой поломки, которую нельзя было бы починить ударом молотка и добрым словом.

– Дед, – спросил я, глядя, как он колдует над двигателем, который только что взорвался, – а ты вообще инструкции читаешь?

– Внушек, – ответил он, вытирая руки промасленной тряпкой, – инструкции для слабаков. Настоящий мужик должен чувствовать технику. Вот смотри: если стукнуть сюда – она гудит. А если сюда – она молчит. Значит, проблема где-то между гудением и молчанием.

– И где?

– А хрен его знает. Но мы найдем.

Находил. Всегда.

Громов – мой настоящий дед, о котором я узнал только недавно. Старый разведчик, который исчезал и появлялся, когда его меньше всего ждали. Он умеет всё: стрелять, прятаться, планировать операции и исчезать в самый нужный момент.

– Громов, – спросил я его как-то, – а ты никогда не уставал от этой жизни? От погонь, от перестрелок, от вечного бега?

– Уставал, – признался он. – Но потом вспоминал, что у меня есть вы. И понимал: ради этого стоит бегать.

И замолчал. Потому что старые разведчики не любят говорить о чувствах. Они их показывают делами.

Мама и отец – отдельная песня. Они разошлись, когда я был маленьким, но война снова свела их вместе. И, кажется, они снова полюбили друг друга. Или просто привыкли. В нашей семье это почти одно и то же.

Полозов – прокурор, который прибил к нам случайно и стал своим. Он пишет мемуары, знает все законы галактики и умудряется находить юридические лазейки даже в ситуациях, где, казалось бы, только стрелять остается.

– Петр Аркадьевич, – спросил я его, когда нас окружили десантники, – ну и что теперь? Ваши законы помогут?

– Помогут, – уверенно ответил он и крикнул десантникам: – Господа, у вас ордер есть? Десантники опешили. Этой заминки хватило, чтобы мы сбежали.

– Видишь? – улыбнулся Полозов на бегу. – Закон – сила.
О ком эта книга на самом деле?

Если снять слой за слоем все погони, все перестрелки, все хитроумные планы и космические приключения – останется одно: о семье.

– Знаешь, – сказал мне Громов однажды вечером, когда мы сидели на крыльце фортов и смотрели на звезды, – я видел много галактик, много рас, много чудес. Но самое большое чудо – это когда твои близкие рядом. Когда знаешь, что за спиной у тебя не просто стена, а люди, которые прикроют. Когда можешь быть слабым, и тебя не осудят.

– А ты бываешь слабым? – спросил я.

– Бываю, – честно ответил он. – Только никому не говори. Особенно бабушке.

– Почему?

– Потому что она сразу начнет меня жалеть. А от ее жалости у меня аллергия.

Я засмеялся. И понял: вот оно, счастье. Сидеть с дедом на крыльце, смотреть на звезды и знать, что завтра снова будет бой, но это не страшно, потому что вы – вместе.

О любви – к бабушке, которая печет пирожки и раздает патроны с одинаковой щедростью. К деду, который чинит кофеварку и ворчит на весь мир. К матери, которая двадцать лет молчала, чтобы защитить нас. К отцу, который умеет только летать и ругаться, но делает это виртуозно. К Громову, который всегда возвращается, даже когда в него не верят. К Полозову, который пишет мемуары и верит в закон.

И даже к Ветрову – предателю, который в конце стал героем. Потому что в нашей семье даже предатели могут искупить вину. Если, конечно, очень постараются.

Почему кофеварка?

Кофеварка – это метафора. Да-да, я знаю, звучит пафосно, но это правда.

Кофеварка деда – это символ того, что в руках умелого человека даже самый обычный предмет может стать оружием, инструментом и спасением. Она стреляет, глушит сигналы, открывает двери и, между прочим, варит отличный кофе. Особенно если добавить немного урана-238 для бодрости (обедненного, конечно, дед следит за безопасностью).

– Дед, – спросил я однажды, глядя, как он колдует над очередной модификацией, – а почему именно кофеварка? Почему не бластер, не гранатомет, не что-то более... военное?

– Внучек, – ответил он, не отрываясь от пайки, – военное привлекает внимание. А кофеварка – она своя, домашняя. Кто заподозрит старика с кофеваркой? А она в этот момент – бах! – и враг уже в нокауте.

– И кофе?

– И кофе, – гордо кивнул дед. – Главное, чтобы не перепутать режимы. Однажды я вместо «эспresso» включил «плазменный залп»...

– И что?

– И пришлось новый камбуз строить. Но кофе был отличный.

Так что кофеварка – это не просто прибор. Это стиль жизни. Это философия. Это способ сказать: «Я мирный человек, но если что – могу и ответить».

Для кого эта книга?

Для тех, кто любит смеяться. Потому что без смеха в нашей семье не выжить. Когда за тобой гонятся имперские крейсера, а бабушка кормит врагов пирожками, остается только смеяться.

Для тех, кто верит в семью. Даже если семья – это полковник госбезопасности, контрабандист, разведчик, прокурор и парень, который просто хотел тихой жизни.

Для тех, кто устал от мрачных историй, где герои страдают и умирают. У Светловых страдают все, но делают это с юмором. А умирают – крайне редко. Потому что некогда. Надо спасти галактику.

Для тех, кто сам когда-то мечтал о космических приключениях. О том, как удирали от врагов, находить древние артефакты, встречать загадочных незнакомцев и в конце концов спасать мир. И чтобы рядом была семья – шумная, странная, но любящая.

– Слушай, – спросил меня однажды мой друг, когда мы сидели у костра, – а ты счастлив?

Я задумался. Вспомнил все погони, все перестрелки, все потери. Вспомнил, как мы чуть не погибли на Луне, как Вит предавал и как он же спасал нас ценой своей жизни. Вспомнил Громова, который уходил в тень и возвращался. Вспомнил бабушку с ее пирожками и деда с кофеваркой.

– Знаешь, – ответил я, – счастье – это когда у тебя есть за что бороться. И есть с кем.

– А у нас есть?

– У нас – да. Мы есть у друг друга.

Он улыбнулся, а костер трещал, и звезды светили, и где-то вдалеке дед спорил с бабушкой о том, сколько пороха сыпать в тесто для пирожков.

Идиотская жизнь. Прекрасная жизнь.

Спасибо тебе, читатель

Если ты держишь эту книгу в руках, значит, ты уже часть нашей истории. Часть семьи Светловых. Часть бесконечной погони за счастьем, свободой и справедливостью.

Спасибо, что прошел этот путь вместе с нами. Спасибо за каждый смех, за каждую улыбку, за каждую слезу (даже если это слезы от смеха, когда дед очередной раз взорвал камбуз).

Я знаю, что где-то там, в бескрайнем космосе, все еще летит «Медуза» – старая, ржавая, но любимая. И на ее борту – Светловы. Бабушка печет пирожки, дед чинит кофеварку, Громов смотрит на звезды, мама с папой спорят о маршруте, Полозов пишет мемуары, дети играют в салки между грузовыми контейнерами.

А я – просто смотрю на них и улыбаюсь. Потому что это и есть счастье.

– Эй, Майк! – кричит дед из машинного отделения. – Иди сюда! Тут опять двигатель барахлит!

– Иду, дед! – кричу я в ответ.

– И кофе захвати! – добавляет бабушка с камбуза. – А то опять начнете чинить, а кофе нет!

– И патроны! – кричит Громов. – На всякий случай!

– Какие патроны? – удивляется Полозов. – Мы же на мирной планете!

– А вдруг?

– А вдруг – да, – соглашается Полозов и тоже идет за патронами.

Вот такая она, наша жизнь. Безумная, шумная, но – наша.

Р.С. Если тебе вдруг станет грустно, вспомни: ты всегда можешь к нам присоединиться. Просто закрой глаза и представь, что ты сидишь с нами у костра. Бабушка уже наливает суп. Дед греет кофеварку. Громов рассказывает очередную историю из своей бесконечной жизни. А дети бегают вокруг и визжат от счастья.

Мы там. Ждем.

Р.Р.С. И помни: главное в жизни – не ответы, а вопросы. Не результат, а процесс. Не цель, а путь. И семья. Семья – это главное.

Р.Р.Р.С. Дед просил передать, что рецепт его кофеварки он никому не отдаст. Даже под пытками. Особенно под пытками. Потому что если враги узнают, как она устроена, они ско-

пируют и будут использовать во зло. А так – только у нас есть супероружие, которое еще и кофе варит.

P.P.P.P.S. Бабушка просила передать, что если ты когда-нибудь окажешься на Земле, в Кёнигсберге, заходи в форты. Она всегда рада гостям. Особенно если гости приносят продукты. Потому что пятнадцать человек (и один дроид, если Арнольд еще с нами) – это вам не шутки, это кормить надо каждый день.

P.P.P.P.P.S. Громов только что прочитал постскриптумы и сказал, что я слишком много болтаю. Что старые разведчики так не делают. Что надо быть скромнее и тише.

– Дед, – спросил я, – а ты сам-то скромный?

– Я – другое дело, – ответил он. – Я заслужил право болтать. Мне сто лет.

– А мне?

– А ты еще молодой. Тебе положено.

И улыбнулся. По-доброму, по-дедовски.

В общем, если книга вдруг закончилась – значит, мы улетели в новое приключение. Не грусти. Мы вернемся.

Светловы всегда возвращаются.

Искренне ваш,

Анатолий Шигапов

(он же Михаил Светлов (ту-ту), он же Светлый Майк, но это уже другая история)

Где-то в космосе, на борту буксира «Медуза», в перерыве между перестрелками и бабушкиными обедами.

P.S. Читатель! Если ты держишь эту книгу в руках – значит, ты тоже часть семьи. Устраивайся поудобнее. Бабушка уже наливает суп. Дед греет кофеварку. А звезды... звезды всегда с нами. Даже когда их не видно за иллюминатором.

Пролог. Последний закат Старой Земли

«Ничто так не бодрит с утра, как осознание того, что твою родную планету продали с молотка, пока ты спал.» – Из дневников кёнигсбергского философа-алкоголика начала 26 века.

Солнце над Кёнигсбергом садилось в грязевую жижу Балтийского моря с грацией дохлой крысы, падающей в компостную яму. Я сидел на ржавой ферме взлетно-посадочной полосы, свесив ноги в дырявых ботинках, и смотрел, как оранжевый диск заливает последним светом руины Кафедрального собора и остовы грузовых кораблей, застывших в Канале имени товарища Калинина на вечном приколе. Корабли эти, кстати, ржавели тут еще со времен ЕвроАзиатской войны, и местные остряки поговаривали, что канал назвали не в честь вождя, а потому, что «стали на прикол» и стоят.

– Красиво, – сказал я вслух. Ветер донес запах тухлой рыбы, солянки и пережженного синтетического топлива с орбитального лифта, который, словно пуповина, соединял город с нависающим на геостационарной орбите транспортным хабом. Красота, конечно, была специфическая. Красота помойки, по которой только что прошлись гигантским бульдозером, чтобы освободить место под элитный коттеджный поселок.

Справа от меня, на складном стульчике, сидела старуха. Она была замотана в такое количество платков, что было видно только сморщенный нос, похожий на засушенный гриб, и сле-

зашающиеся глаза. Перед ней стояла выдавшая виды электроплитка, на которой шкворчала сайра. Пахло это великолепно так, что у любого имперского робота-санитара с гарантией расплавился бы не только сенсорный блок, но и начисто сгорело бы реле морали.

– Бери, сынок, – прошамкала она, тыча заляпанной жиром вилкой в сторону шипящей рыбы. – Последняя. Завтра уже никого не будет. Завтра – край. Говорят, новые хозяева терпеть не могут запах жареной сайры. Аристократы, мать их.

Я хмыкнул и полез в карман старой куртки. Мелочь звенела там тоскливо и одиноко. Я выгреб всё, что у меня было – пара медных имперских геллеров, на которые даже попросайки-киборги смотреть не хотели, предпочитая подаяние в криптовалюте.

– Держи, бабуль. Сдачи не надо.

Я сунул в рот горячую, жирную сайру прямо с хвостом. Вкус детства. Вкус уходящей эпохи. Вкус планеты, которую благополучно свернули, упаковали в контейнер и готовятся выкинуть на свалку истории, предварительно содрав с нее последнюю шкуру в виде недвижимости. Старая Земля. Колыбель человечества. Теперь – элитный курорт для нуворишей с Альфы Центавра и гигантская стройплощадка для их вилл с видом на море, которое вот-вот окончательно превратят в сточную канаву.

– Слышь, пацан! – окрик ударил в спину, как электрошокер. – А ну, брысь оттуда! Развалишь еще историческое наследие! Тут тебе не турник в фитнес-зале!

Я обернулся. Ко мне, увязая гравитационными сапогами в спекшемся от жара двигателях шлаке, поднимался патрульный дроид. Старая, еще довоенная модель, с пневматическими приводами, а не с современными сервоприводами. Он пыхтел, скрипел и шипел, как прокуранный паровоз, и при каждом шаге из его сочленений вырывались клубы сизого маслянистого дыма.

– Историческое наследие? – я кивнул на ржавую балку под собой, на которой до сих пор сохранилась табличка «Осторожно, высота!» и чей-то корявый автограф. – Это наследие? Да тут сам Гагарин, говорят, пиво пил и яйца чесал, когда в командировку летал! Это ж мемориал!

– Не положено! – дроид икнул гидравликой, выпустив струю пара мне прямо в лицо, и направил на меня парализатор, больше похожий на водопроводную трубу. – Слезай! Последний день перед эвакуацией, чтоб ты сдох, а порядок должен быть! Инструкция!

Спорить с железкой, у которой вместо мозгов программа «Закон и порядок: архаичная версия 1.0», было бесполезно. Я спрыгнул вниз, в пыль, приземлившись прямо на чью-то старую, пробитую каску времен войны. Вокруг, насколько хватало глаз, кипела лихорадочная работа. Десантные боты Имперской безопасности, похожие на гигантских черных стрекоз, выгружали стандартные контейнеры с оборудованием для сноса. Тяжелые шагоходы с титановыми «ногами» методично дробили остатки кварталов, которые не успели разбомбить еще в прошлую войну. А в небе, затянутом дымкой от работающих двигателей, висели грозные силуэты трех линкоров класса «Армагеддон». Они не прятались за горизонтом. Они нависали прямо над городом, как обещание быстрой и мучительно красивой смерти для любого идиота, который вздумает остаться и устроить несанкционированный митинг за сохранение «грязных исторических развалин».

Землю сворачивали. Колыбель человечества превращали в чемодан без ручки. Тяжелый, неудобный, но выкинуть жалко, поэтому продали.

– Эй! – крикнул я дроиду, который уже довольно ковылял обратно, довольно попыхивая отработанным паром. – А людей кто вывозить будет? Ты нас тоже в контейнеры запакуешь и отправишь багажом? С отметкой «хрупкое»?

Дроид остановился. Его фоторецепторы моргнули раз, другой, третий. Похоже, вопрос завис в его древнем процессоре где-то между пунктами «охранять объект» и «уничтожить нарушителей».

– Люди? – переспросил он механическим голосом с отчетливым скрипом. Голос его динамика издал звук, похожий на неприличный пердеж, что, видимо, означало глубокую задумчивость. – А, люди... Ну, вы ж сами говорите: колыбель. Выросли – выметайтесь. Детям место уступать. Всё, вали давай, пока цел. И чтобы без глупостей!

Он уковылял, оставляя в пыли глубокие следы от гравитационных подошв.

А я пошел в город. Туда, где когда-то жил. В порт.

Буксир «Медуза» стоял на приколе у пирса номер ноль-три-ноль-ноль-придурок. Это не я придумал такое название, это был официальный индекс. Система нумерации здесь была дура: после последнего ремонта гравитационных доков какие-то горе-программисты перепутали все базы данных, и пирсы теперь назывались так, как их обзывали местные докеры и алкаши вечерами. Наш, соответственно, назывался пирс «Придурок». Потому что только полный придурок мог держать здесь свой корабль в такое время.

– Папа! – крикнул я, забираясь по шатающемуся трапу, который, казалось, держался на одной только плесени.

Трап жалобно заскрипел, качнулся, но выдержал. «Медуза» была старой калошей. Космический буксир класса «Угрюмый-17». Его построили еще до Большого Исхода, когда люди думали, что таскать астероиды на буксире – это безумно выгодно. Теперь это была просто груда металлолома, покрытая слоем краски, оставшейся еще от флота Объединенных Наций. Краска была серая, унылая, в цвет моей жизни. Говорят, раньше она была боевой, но выцвела от тоски.

Отец стоял в рубке, в одних семейных трусах в синий горошек и майке-алкоголичке с надписью «Космос – наш, а пиво – мое!», и пил кофе из огромной, закопченной кружки. Кофе был такой крепкий, что десертная ложка, которую он туда воткнул, стояла торчком, а не тонула. Она просто не могла утонуть в этой субстанции, которая по консистенции напоминала жидкий асфальт.

– Ну? – спросил он, не оборачиваясь. – Налюбовался на поминки?

– Ага, – я плюхнулся в пилотское кресло, которое, судя по продавленной форме, помнило еще задницу моего деда. – Красота неопишемая. Родные пенаты. Дроиды-полицай с артритом. Линкоры в небе вместо птичек. Скоро тут будут богатые буратины с Альфы загорать на пляжах из битого кирпича, пока мы с тобой будем контейнеры в грузовом отсеке чужого звездолета толкать за миску баланды.

– Не в чужого, – буркнул отец, отхлебывая свой «асфальт». – В своего.

– Чего? – я даже привстал.

– Того, – он поставил кружку прямо на пульт управления, рядом с большой красной кнопкой, которую было категорически нельзя нажимать (на ней маркером было жирно выведено «НЕ ЖМИ, БАРАН! И ПОДУМАЙ!»). – Мы улетаем, сын. Всей семьей. В смысле, те, кто остался.

Я присвистнул так, что с потолка посыпалась пыль. Семья Светловых – это был не просто диагноз, а целый медицинский справочник. Три поколения космических бомжей, которые всю жизнь терлись на задворках галактики, цепляясь за любую, даже самую грязную и низкооплачиваемую работу, от которой отказались бы даже биороботы с минимальным уровнем интеллекта.

– Бабушка согласна?

– Бабушка уже не чемоданы собирает, она собирает свой самогонный аппарат. Говорит, на новой планете без самогона – пропадем. Там, на Тау Кита, говорят, с этим делом напряженка, одна синтетика. – Он сплюнул в угол для убедительности.

Я засмеялся. В этом была вся наша бабушка. Она пережила три галактические войны, пять крупных экономических кризисов, нашествие саранчи на астероиде Церера и дедову кофеварку. Ее самогон пили даже роботы, потому что он прочищал их гидравлику лучше любой фирменной смазки и придавал оптимизма.

– А дед? – спросил я, хотя ответ уже знал.

Отец помрачнел. Он подошел к иллюминатору, за которым медленно гасла заря над руинами, и почесал свою давно небритую щетину, которая, кажется, жила собственной жизнью.

– А дед... не хочет. Говорит, что он – человек земли. Что его предки здесь лежат. Что он скорее умрет, чем улетит нафиг от этой гравитационной ямы. И что его кофеварка не выдержит смены гравитационного фона.

Я подошел к нему. Мы смотрели на закат вместе. Два мужика. Отец и сын. Будущее без прошлого. Романтика, блин.

– А мама? – тихо спросил я, хотя это была запретная тема.

Мама была отдельной, очень грустной песней. Она не жила с нами уже лет пять. После того, как ее списали с флота по состоянию здоровья (официально – «потеря профпригодности», неофициально – ей просто надоело с нами), она ушла в город, сняла какую-то конуру и работала... да никто толком не знал, кем она работала. Говорили, то ли экстрасенсом, то ли массажисткой, то ли просто сидела в соцсетях. Она просто существовала где-то параллельно нашей реальности. Иногда присылала нам странные открытки с планет, где никогда не была, и подписывала их «Скучаю, целую, ваша мама». Дроны-почтальоны приносили их раз в полгода, и мы с отцом складывали их в старую обувную коробку из-под кроссовок, которую хранили как зеницу ока.

– Мать... – голос отца дрогнул. Он взял кружку, допил остатки кофе одним глотком, поморщился. – Мать, наверное, останется. Она не простила мне того, что я выбрал космос, а не её. Идиот, конечно. Но что теперь поделать?

– Пап, ну ты же капитан. У тебя корабль. Ты не мог иначе.

– Мог, – жестко оборвал он. – Всегда можно иначе. Просто я выбрал ржавую посудину, а не живого человека. Запомни, сын: космос – это любовница, которая требует, чтобы ты бросил жену. И он не прощает, когда ты колеблешься. Он ревнивый, как черт.

Он поставил кружку в раковину, где уже месяц стояла гора немытой посуды, и натянул промасленный комбинезон.

– Ладно, хватит ныть. Работа есть. Завтра последний рейс. На станцию «Балтика-7». Возьмем заказ, получим кэш, заправимся и рванем отсюда к чертям собачьим. Говорят, на Тау Кита хорошие стартовые площадки для таких раздолбаев, как мы. Дешево. Там и оседем. Будем контрабандой торговать или еще чем.

– На Тау Кита? – скривился я, вспоминая картинки из туристических проспектов. – Там же одни фермеры и какая-то сумасшедшая религия запрещает чихать без благословения местного архиерея.

– Зато не стреляют, – философски буркнул отец, застегивая молнию на ширинке, которая тут же заела. – А для нас, Светловых, это уже почти рай. Тишина, покой, скука смертная. Будем огурцы солить.

Я хотел что-то ехидно ответить насчет наших навыков в солении огурцов (дед однажды засалил их с ураном-235 вместо соли, и они светились в темноте три месяца), но в этот момент загудел старый, еще ламповый коммуникатор. Он загудел так, что у меня заложило уши, а с полки упала какая-то железка.

Отец нажал кнопку приема, предварительно перекрестившись на аварийный люк.

– «Медуза» на связи, – рявкнул он в допотопный динамик. – Какого хрена надо в такое время?

– Светлов? – голос из динамика был металлический, скрипучий, с плохой модуляцией. – Говорит диспетчерская порта. Тут у нас проблема. Точнее, не у нас, а у вас.

– У нас всегда проблема. Конкретнее. Если вы насчет долга за стоянку, то мы завтра улетаем и всё оплатим. У меня бабушка пирожки печет на продажу.

– Не до пирожков. К вам гость. Важный. С Большой Земли. Из самой Империи.

– С Большой? – переспросил отец, и его лицо вытянулось. – Кого там черти несут в такое пекло? Неужели сам император решил лично посмотреть на наши задницы?

– Спускайся, сам увидишь. И пацана своего захвати. Это... это по поводу старого долга. Очень старого.

Лицо отца изменилось мгновенно. Из просто усталого оно стало серым, как та краска на «Медузе». Он медленно, словно в замедленной съемке, положил трубку и посмотрел на меня так, будто видел впервые.

– Михаил, – сказал он тихо, но таким тоном, что у меня мурашки побежали по спине. – Надень бронжилет. Тот, что под кроватью валяется. И возьми «утюг».

– Пап, что случилось? Ты меня пугаешь.

– Помнишь, я рассказывал тебе про Ветра? Про Вита Ветрова?

В груди похолодело, будто туда засунули кусок льда с Титана. Вит Ветров. Легенда флота. Лучший друг отца. И человек, который пять лет назад исчез с грузом контрабанды на полмиллиона кредитов, подставив под расстрел всю нашу семью. Из-за него отец чуть не сел в тюрьму, из-за него мать ушла.

– Он вернулся, – прошептал я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Отец не ответил. Он уже вышел из рубки, и слышно было, как он тяжело топает по трапу вниз.

А за иллюминатором, над руинами Кёнигсберга, уже взошла первая звезда. Или это был не звезда, а огни приближающегося имперского катера. В темноте, да еще и сквозь грязное стекло, было не разобрать.

Глава 1. Буксир «Медуза»

«Если вы никогда не были на старом космическом буксире класса «Угрюмый», значит, вы не жили – вы существовали. Вы не знаете, что такое настоящий уют, когда пахнет машинным маслом, солёной и бабушкиными пироженками одновременно, а в туалет нужно ходить с парализатором, потому что там завелся гравитационный таракан размером с кошку».

– Из мемуаров капитана Павла Светлова.

Когда мы с отцом спустились по трапу, ночной воздух ударил в нос привычной смесью: озоном от работающих генераторов защитного поля порта, гарью от догорающих где-то на свалке покрышек и липким, леденящим душу страхом. Страх здесь был отдельным ингредиентом этого адского коктейля. Он витал над портом, как густой туман, потому что каждый местный житель знал: Империя уходит, но перед уходом она всегда подчищает хвосты, замечает следы и уютит тех, кто остался не у дел. А чьи хвосты чистить, как не мелких жучков-контрабандистов вроде нас?

– Держись за мной, – буркнул отец, поправляя на плече ремень старого, еще дедовского «Калашникова-4000», плазменной версии легендарного автомата, который, правда, постоянно перегревался и норовил выжечь предохранители. – Если что – сразу падай на землю, закрывай голову руками и не рыпайся. И молись.

– Оптимизм – наше семейное, – пробормотал я, нащупывая в кармане куртки холодный металл «утюга» – тяжелого, кустарного парализатора, собранного дедом из старой микроволновки и аккумулятора от электромотоцикла. Он бил током так, что мог вырубить не только человека, но и небольшого динозавра, если бы они, конечно, водились в нашей галактике.

На пирсе, подсвеченный зловещими синими огнями полицейского дрона, который лениво кружил над водой, стоял человек. Он был одет в длинный черный плащ, какие носили имперские чиновники среднего ранга, и курил длинную сигарету, держа ее не пальцами, а старомодным мундштуком из слоновой кости. Дорогая, пафосная привычка, от которой несло за

версту деньгами и высокомерием. Воняло от него не дешевым табаком, а дорогущим одеколоном «Ночной хищник» – любимым парфюмом столичных щеголей и дипломатов. Наши местные алкаши так не пахли. Наши местные алкаши вообще ничем, кроме перегара, не пахли.

– Капитан Светлов, – человек улыбнулся. Улыбка у него была вежливая, как у дантиста, который собрался сверлить вам абсолютно здоровый зуб, да еще и без анестезии. – Рад видеть вас в добром здравии. Вы почти не изменились. А это, полагаю, ваш отпрыск? Михаил?

– Он самый, – процедил отец, не опуская оружия и держа палец на спусковом крючке. – Ты какого черта здесь делаешь, Ветров? Тебя ждать должны были в аду лет пять назад, не позже. Там, говорят, очереди на вход нет?

Вит Ветров рассмеялся. Смех был приятный, бархатный, прямо как в старые добрые времена, до того как он нас предал. Так смеются люди, у которых совесть если и есть, то она давно продана на галактическом аукционе, а все вырученные деньги благополучно пропиты в барах на Центральной станции.

– Ад, мой дорогой Павел, сейчас переполнен. Там огромная очередь из имперских бюрократов. Пришлось временно задержаться в мире живых, – он перевел взгляд на меня. – Похож. Тот же взгляд исподлобья. Ты смотри, парень, не повторяй ошибок отца. Он слишком доверчивый для нашего жестокого мира.

– Руки убери от ребенка, – рыкнул отец, делая шаг вперед и угрожающе вскидывая автомат. – Ты зачем пришел? Деньги принес? Долг за пять лет? С процентами? Ты знаешь, сколько мы из-за тебя нервов потеряли?

Ветров затушил сигарету о подошву своего начищенного до зеркального блеска ботинка и, достав платок, завернул окурочку и спрятал в карман. Педантичный гад. Чистоплюй.

– Долг, – Ветров задумчиво покачал головой. – Долг – понятие растяжимое. Особенно в нашей галактике. Я принес не деньги. Я принес предложение. Гораздо более ценное, чем жалкие полмиллиона.

– Отправь свое предложение в космос в открытом конверте. Или засунь себе знаешь куда?

– Павел, Павел... – Ветров покачал головой, как школьный учитель, разочарованный в самом тупом ученике. – Не будь ребенком. Тот груз... он был особенным. Я не мог его тогда доставить, потому что за ним охотилась вся Имперская служба безопасности. Если бы я пришел на «Балтику», нас бы всех расстреляли прямо в доке, без суда и следствия. Я спас вам жизнь. Неблагодарные.

– Спас? – отец побелел от злости так, что я испугался, как бы его удар не хватил прямо здесь, на этом грязном пирсе. – Да нас после твоего «спасения» пять лет из-под полы искали! Нас чуть не посадили в тюрьму на пожизненное! Мать ушла из-за этого! Ты нам жизнь сломал, гад!

– Это уже лирика, – отмахнулся Ветров, явно теряя терпение. – Женщины приходят и уходят, а долги, как известно, остаются. Но я не об этом. У меня есть информация для вас. Горячая. Прямо сейчас, на военном причале, стоит крейсер «Ястреб».

При этих словах отец вздрогнул так, будто его ударило током. Даже в темноте было видно, как дернулся его кадык.

– «Ястреб»? – переспросил он осипшим голосом. – Коршунов здесь?

– Здесь, – кивнул Ветров, довольно улыбаясь. – И он ищет груз. Тот самый, что я не доставил пять лет назад. И знаешь, что самое смешное? Он думает, что груз до сих пор у тебя. Что ты его прячешь все эти годы.

– Это бред! Сумасшедший дом! – выкрикнул я, не выдержав этого цирка.

– У нас ничего нет! Мы еле концы с концами сводим, жуем бабушкины пирожки и мечтаем о колбасе!

– Милый мальчик, – улыбнулся мне Ветров своей стоматологической улыбкой.

– Коршунову плевать на факты. Ему нужен козел отпущения. Ему нужен тот, кого можно эффектно расстрелять перед уходом, чтобы показать Империи: «Я всё контролирую, я навел порядок в этом гадюшнике». А вы, Светловы, – идеальная мишень. Бедные, злые, с дырявым кораблем и кучей проблем. Никто и не заметит вашего исчезновения.

Отец молчал. Я видел, как в его голове лихорадочно крутятся шестеренки, перебирая варианты. Бежать? Не успеем – крейсер на орбите засечет. Драться? Против целого крейсера «Ястреб» с одним плазменным автоматом и дедовой кофеваркой? Смешно.

– Чего ты хочешь? – тихо спросил отец, глядя куда-то в сторону, на темную воду канала.

– Хочу помочь старым друзьям, – Ветров развел руками в театральном жесте. – У меня есть доступ к документам порта. Я могу вывести «Медузу» из дока без сканирования. Прямо сейчас. У вас же есть заказ? Рейс на «Балтику-7»? Отлично. Летите. А я задержу Коршунова. Скажу, что вы ушли в другую сторону. Выиграю вам время. Пару часов, не больше.

– И что тебе за это будет? – спросил я, чувствуя подвох каждой клеткой своего тела.

Ветров посмотрел на меня с неожиданным интересом. Как на говорящую собаку или на таракана, который вдруг заговорил человеческим голосом.

– А ничего, парень. Это будет мой подарок вам. За старую дружбу. Искупление, если хочешь. Считай это моим путем к свету.

– Ты врешь, – выдохнул отец, и в его голосе звучала смертельная усталость. – Ты всегда врешь, Вит. Ты не способен на бескорыстие. Ты родился с гнильцой.

– Возможно, – легко согласился Ветров, доставая новую сигарету. – Но выбора у тебя всё равно нет. Либо рискнуть и улететь сейчас, либо через час здесь будет Коршунов со своими головорезами, и тогда наш разговор будет проходить в его излюбленном формате: ты прикован наручниками к стулу, а он прижигает тебе пятки паяльником и интересуется твоим здоровьем. Он очень любит долгие, душевные беседы.

Где-то вдали, со стороны военного сектора порта, завывала сирена. Звук нарастал, становился все более зловещим. Это был не вой полицейской сирены. Это был вой имперских истребителей, которые делали облет периметра перед вылетом на задание.

– Решай, Павел, – поторопил Ветров, закуривая. – Время – деньги. А деньги, как известно, – это жизнь. Особенно в нашей ситуации.

Отец посмотрел на меня. В его глазах я увидел то, чего не видел никогда за свои девятнадцать лет – настоящий, животный страх. Не за себя. За меня.

– Михаил, – сказал он жестко, не терпящим возражений тоном. – Бегом на корабль. Запускай двигатели. Прогревай всё до упора, до красноты. Мы улетаем. Живо!

– Но пап...

– Бегом, я сказал!

Я рванул с места, как спринтер на Олимпиаде. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Когда я уже вбежал в грузовой отсек «Медузы» (дверь была гостеприимно открыта), я на секунду оглянулся. Отец и Ветров стояли друг напротив друга на темном пирсе, освещенные только зловещим синим светом дрона, как два боксера перед решающим, смертельным раундом. А в черном небе, разрезая тучи огнями двигателей, уже садился на площадку тяжелый десантный бот с эмблемой «Ястреба» – хищная птица, сжимающая в когтях целую планету.

Час пробил. Часы Светловых пошли в обратную сторону.

– Ну давай, старушка, – прошептал я, забегая в рубку и погладив пульт управления, покрытый слоем вековой пыли и дедовых инструментов. – Не подведи. Тряхни стариной. Покажи этим выскочкам на «Ястребе», что такое настоящий, проверенный годами металлолом.

Двигатели загудели с непривычной мощностью, выпустив из выхлопных труб огромное облако пара и копоти, от которого, наверное, задохнулся бы целый квартал. Ржавая посуда встала на дрожь, всем своим многотонным корпусом, как старый, больной, но очень злой пес, и начала медленно, со скрипом и лязгом, подниматься над пирсом «Придурок», обрывая швар-

товы, которые с громким плеском упали в воду. В иллюминатор я видел, как отец бежит по трапу, перепрыгивая через три ступеньки, и машет мне рукой, чтобы я не ждал. Ветров стоял на причале и тоже махал рукой. Прощался. Или прощался, или подавал сигнал наводчикам. Я не знал. Да и знать не хотел.

– Взлетаем! – заорал отец, влетая в рубку и вытирая пот со лба промасленной тряпкой.
– Полный вперед! Набирай высоту! Уходим в зону отчуждения!

– Есть полный вперед!

«Медуза» взревела всеми своими старыми, прокуренными, промасленными двигателями, которые, кажется, работали на чистом энтузиазме и бабушкиных пирожках, и мы рванули в черное, холодное небо, прочь от догорающих огней родного Кёнигсберга, прочь от Старой Земли, которая через какие-то сутки должна была стать просто элитным курортом для богатых бездельников с Альфы Центавра.

Я обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на планету, где родился и вырос.

Внизу, среди хаотичных огней порта, зажглась яркая, ослепительно белая точка. Это «Ястреб» включил свои мощнейшие прожектора и начал сканировать периметр. Нас искали. И, судя по той бешеной скорости, с которой десантные боты поднимались в воздух, находили очень быстро.

– Пап, – сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал, но он предательски срывался на фальцет. – А чего мы такого ценного везем? Что этому психованному ястребу от нас нужно?

Отец посмотрел на меня. Тяжело, устало, с какой-то обреченностью.

– А черт его знает, сынок. Ветров тогда, пять лет назад, сказал, что груз в трюме и лежит с тех пор. Я даже не проверял. Боялся.

– А может, пора? – предложил я. – Хуже уже не будет.

Отец хмыкнул, кивнул, и мы вместе пошли в трюм. По пути я захватил дедов мощный фонарь.

Там, в самом дальнем, темном углу трюма, за ящиками с сухпайком времен прошлой войны и старыми, проржавевшими запчастями от реактора, стоял контейнер. Маленький, титановый, с электронным кодовым замком. На боку его была отчетливо видна надпись, выбитая лазером: «Собственность Имперской службы безопасности. Изъято при обыске. Дело № 24601. Особо ценный груз. Не вскрывать без личного распоряжения императора».

– Ничего себе наследники, – присвистнул я, чувствуя, как холодеет спина. – Нам такой подарок от бывшего друга. Прямо бомба замедленного действия.

– Открывай, – скомандовал отец, и голос его звучал глухо.

Я ввел код, который мне шепнул на ухо Ветров перед взлетом. 1-9-7-8. Год рождения моего прадеда. Замок мелодично щелкнул. Крышка медленно, с шипением гидравлики, поднялась, выпуская струю холодного, как дыхание смерти, пара.

Внутри, на бархатной подложке кроваво-красного цвета, лежал... камень. Большой, размером с кулак здорового мужчины, мутно-янтарного цвета, с какими-то разводами и прожилками. А внутри камня, застыв навечно, замер огромный жук. Самый обычный, наверное, жук-древоточец, только размером с хорошую мышь. Необычный. Слишком большой. И слишком... живой. Казалось, что он смотрит прямо на нас сквозь миллионы лет, сквозь толщу янтаря.

– Янтарь, – выдохнул я разочарованно. – Кусок янтаря сдохлым тараканом. Из-за этого старого ископаемого нас чуть не убили? Коршунов из-за ЭТОГО готов жечь нам пятки паяльником?

Отец молчал. Он смотрел на камень, и в его глазах загоралось что-то странное, чего я никогда раньше не видел. Какой-то древний, первобытный страх пополам с благоговением.

– Это не просто янтарь, Михаил, – сказал он наконец, и голос его звучал как у зомби. – Это... это легенда. «Янтарная тюрьма». Дар Золотых Королей. Говорят, в нем не просто дохлый жук. В нем – кровь. Кровь древних богов. Тех, кто правил галактикой задолго до появления людей.

– Красивая сказка для пьяных космодесантников.

– Может быть, – кивнул отец, не отрывая взгляда от камня. – А может быть, самая страшная правда в этой галактике. Но сейчас это не важно. Сейчас важно то, что за нами идет сам Коршунов. А этот камешек... он стоит столько, что мы могли бы купить себе небольшую планету. Или развязать войну, от которой содрогнется вся Вселенная.

Он с силой захлопнул крышку контейнера, прерывая это гипнотическое зрелище.

– Спрячь его в тайник. Под полом, за реактором, в том схроне, где дед держит свои запрещенные запчасти. И не вздумай никому рассказывать, даже бабушке. Пока.

Я кивнул, взял тяжелый контейнер и понес его в самое сердце нашего старого корабля.

А за кормой, среди бесконечного множества холодных звезд, разгоралась новая, яркая, стремительная. Она двигалась. Быстро. Слишком быстро для обычной звезды. И слишком прямо на нас. «Ястреб» капитана Коршунова вышел на охоту. И на этот раз добыча была обречена.

Глава 2. Семья Светловых: три поколения космических неудачников

«Генеалогическое древо Светловых больше напоминает карту боевых действий: сплошные стрелки, пунктиры, разрывы и сноски «пропал без вести», «взорвался», «сидит». Но корни у него крепкие. Потому что держатся они не на крови, а на бабушкиных пирожках».

– Из семейного альбома с примечаниями деда Игната.

Когда за тобой по пятам гонится псих с целым имперским крейсером, а в трюме лежит камень, способный если не развязать галактическую войну, то уж точно обеспечить тебе пожизненный срок в самой страшной тюрьме галактики, самое время поговорить о родственниках. Потому что если уж подышать, надо хотя бы знать, чьи гены будут размазаны по стенкам звездолета в виде неравномерного слоя.

Семья Светловых – это не просто группа людей, объединенных общей фамилией и любовью к дешевому пиву. Это диагноз, передающийся по наследству с той же неумолимостью, что и склонность к облысению или хронический оптимизм в безвыходных ситуациях. Три поколения космических бродяг, три характера, три совершенно разных способа не сдохнуть в мире, где даже вакуум дружелюбнее, чем имперский налоговый инспектор с похмелья.

– Михаил, мать твою за ногу, держи курс на пояс астероидов! – рывкнул отец, влетая в рубку с открытой банкой пива в одной руке и ржавым, но заряженным пистолетом в другой. – Там мы сможем затеряться среди камней, как иголка в стоге сена!

– Пап, ты в своем уме?! – заорал я в ответ, вцепившись в штурвал так, что костяшки пальцев побелели. – Там же радиация фонит так, что наши дети родятся с тремя головами! Там метеориты носятся с бешеной скоростью! И там полный ноль гравитации! Мы там затеряемся буквально – нас просто разберет на атомы!

– Не ной! – рывкнул отец, хлебнув пива и довольно рыгнув. – Дед всегда так делал, когда за ним гналась марсианская полиция!

И тут я понял, что мы, возможно, спасены. Потому что если дед так делал – значит, либо мы выживем и будем вспоминать это приключение с улыбкой, либо умрем, но умрем красиво, под музыку и с фейерверками. Дед вообще был мастером эффектных, кинематографичных смертей, которые почему-то каждый раз заканчивались грандиозным спасением, бутылкой его фирменного самогона и рассказом, который длился до утра.

Дед Игнат в этот момент сидел в своей каюте, которая одновременно являлась мастерской безумного изобретателя, складом старого хлама, который «еще пригодится», и личной пивной. Ему было уже хорошо за девяносто, но он не признавал цифр. Он носил окладистую седую бороду, как у классического попа или Карла Маркса (в зависимости от освещения), и матерился так виртуозно и заковыристо, что у имперских дроидов от такого лексикона плавились предохранители и начинали искрить процессоры. Когда мы с отцом ворвались в его каюту без стука, дед как раз пытался припаять самодельный реактивный ускоритель от детской игрушки к своей любимой кофеварке, которая уже и так была нафарширована разными улучшениями до предела.

– Дед! – выпалил я, падая в продавленное кресло, из которого торчали пружины. – За нами гонится Коршунов на своем «Ястребе»! У нас в трюме лежит какой-то древний артефакт, из-за которого нас хотят убить! И мы сейчас летим в пояс астероидов, чтобы спрятаться от целого крейсера!

Дед поднял на меня глаза, в которых плясали бесенята. Трезвый он был в данный момент или пьяный – определить никогда не удавалось с точностью. Скорее всего, он находился в уникальном, им же самим изобретенном состоянии, которое называл «боевая готовность номер ноль», то есть и то, и другое одновременно, с легким привкусом вдохновения.

– Коршунов, говоришь? – переспросил он, небрежно откладывая раскаленный паяльник прямо на стол, где он прожег очередную дыру. – Это который на «Ястребе»? Мерзавец еще тот, я его хорошо знаю. Вернее, знал его папашу. Тот тоже был первостатейный мерзавец, но пил, надо отдать должное, исключительно хороший, выдержанный коньяк, а не эту синтетическую бурду. А сынок – говно, а не человек. Предпочитает синтетическую дрянь из торговых автоматов.

– Дед! – простонал я, хватаясь за голову. – Сейчас совершенно не время и не место обсуждать гастрономические и вкусовые предпочтения врага! Нас через пять минут либо расстреляют из главного калибра, либо возьмут на бордаж и будут пытаться!

– Не убьют, – спокойно, даже с какой-то ленцой, заявил дед, с кряхтением вставая и потягиваясь так, что захрустели все его древние суставы. – У меня есть план. Гениальный.

– План? – отец поперхнулся пивом, и оно пошло носом. – У тебя никогда не было планов, дед. У тебя была только безбашенная интуиция, запредельная наглость и мой самогон. Это не план, это авантюра чистой воды.

– Это и есть план! – наставительно поднял вверх указательный палец дед. – Самый лучший план – это отсутствие плана. Импровизация, сынок, царица полей и космоса! Сейчас мы включим наши мощнейшие глушилки, которые я вчера дособирил из старого тостера, нырнем в этот гребанный пояс поглубже, а там – как карта ляжет. Авось пронесет.

– Гениально, – вздохнул я с нескрываемым сарказмом. – Прямо курс молодого бойца в академии имперского флота. Стратегия, достойная полководца.

Но дед уже не слушал моих причитаний. Он самозабвенно колдовал над своей кофеваркой, которая вдруг загудела на высокой, неестественной ноте и, прежде чем дед успел нажать кнопку отключения, с оглушительным треском выдала мощную струю плазмы прямо в низкий потолок каюты. В рубке тут же заверещала пожарная сигнализация, замигали красные лампы, и из вентиляции повалил едкий дым.

– Не обращайтесь внимания! – радостно замахал руками дед, довольно улыбаясь. – Это она просто тестируется! Проверяет боеготовность!

– Что она тестирует, дед?! – заорал я, пытаясь перекричать вой сирены. – Нашу способность сгореть заживо в собственной каюте до того, как нас подстрелят имперцы?

В этот самый драматический момент в рубку величественно, как линкор на всех парах, всплыла бабушка. Бабушка Зина – это была женщина-легенда, перед которой трепетали не только мы, но даже матерые пираты с Ориона, известные своей жестокостью. Потому что

бабушка не просто готовила – она творила самую настоящую, безумную магию на кухне. Ее борщ мог воскресить мертвого после тяжелого ранения, а ее фирменный самогон однажды использовали как высокооктановое топливо для истребителя, когда закончилось штатное горючее. Истребитель не только долетел до базы, но и развил скорость, вдвое превышающую паспортную. Правда, пилот потом месяц лечился от тяжелейшей алкогольной интоксикации, но пилоты вообще неженки, что с них взять.

– Что за шум, а драки нет? – бабушка невозмутимо вытерла руки о фартук, на котором было крупно вышито «Космос – наша кухня, а вы все – просто продукты». – Я там на камбузе вторые котлеты дожариваю, а у вас тут, я смотрю, локальный апокалипсис в самом разгаре. Пожар, что ли?

– Ба! – выпалил я, чувствуя себя маленьким мальчиком. – Мы умираем! За нами гонится Коршунов, у нас в трюме бомба замедленного действия в виде камня, и дед только что прожег дыру в потолке!

– Ну и что? – философски заметила бабушка, ничуть не впечатлившись. – Все мы там будем, такова жизнь. Но перед смертью надо обязательно поесть. Котлеты стынут, а еда в холодном виде теряет все свои полезные свойства. Пошли на камбуз.

Отец схватился за голову обеими руками. Я – за штурвал, который начинал вибрировать от напряжения. Дед – за свою дымящуюся кофеварку, которая теперь извергала не плазму, а какой-то густой желтый дым с отчетливым запахом валерьянки, видимо, пыталась нас успокоить.

– Бабушка! – попытался я втолковать ей прописные истины. – Коршунов! Крейсер! Пушки! Смерть! Понимаешь?

– Ах, этот... – бабушка небрежно махнула рукой, как будто отгоняла надоедливую муху. – Да он же, говорят, по женской части полный импотент. Мне его мать, царство ей небесное, когда-то по пьяни рассказывала, они моей двоюродной сестре были. Так что не дрейфьте, мужики. Главное – не давайте ему в руки, а то он злой потому что, комплексует. А так – ничего страшного.

Я застонал в голос. Наша семья была единственной во всей известной галактике, где даже самый страшный и могущественный враг обсуждался исключительно в контексте его мужской несостоятельности и семейных тайн. Это был наш фирменный метод психологической защиты.

– Так, хорош балагана! – отец, наконец, взял себя в руки и вернул командный тон. – Хватит обсуждать потенцию Коршунова! Михаил, уходим резко влево, к тому большому астероиду, что похож на картофелину! Дед, вырубай свою адскую кофеварку к чертовой матери, она нам сейчас весь корабль спалит вместе с нами! Бабушка... бабушка, просто иди молись, если умеешь. Или котлеты жарь. Но без фанатизма.

– Я лучше котлеты дожарю, – обиженно поджала губы бабушка и с чувством собственного достоинства уплыла обратно на камбуз. – Помянуть вас будет чем. Надеюсь, мясо не подгорит, пока вы тут будете в героев играть.

«Медуза» с отчаянным скрежетом, который, казалось, издавали все ее многочисленные швы, резко нырнула в пояс астероидов. Огромные, размером с многоэтажный дом, каменные глыбы неслись мимо нас в бешеном, хаотичном танце. Автопилот, и так-то не отличавшийся сообразительностью, заверещал как резаный, с трудом уворачиваясь от особо крупных обломков. Я вцепился в штурвал мертвой хваткой, так, что побелели костяшки.

– Слева! – заорал отец, показывая пальцем в иллюминатор.

Я дернул штурвал от себя. Мимо, в каких-то жалких метрах, пронеслась глыба космического льда, чуть не задев нашу и без того покореженную антенну дальней связи.

– Справа!

Новый, еще более резкий маневр. Корабль заскрипел и застонал, как старый, разбитый армянский баян на похоронах.

– Сзади!

Сзади был «Ястреб». Он висел прямо у нас на хвосте, огромный, черный, неумолимый, как сама смерть, и явно не собирался отставать. Его мощнейшие прожектора шарили по астероидам, выхватывая из бесконечной темноты куски камня и льда, и с каждым разом подбирались все ближе к нам.

– Пап, – прошептал я, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. – Он же нас видит. Сейчас как жახнет из плазмы...

– Не видит, – буркнул отец, но в его голосе не было уверенности. – У него сейчас радары должны глушиться нашими помехами. Дед, твоя долбаная кофеварка хоть что-то полезное делает, кроме как дыры в потолке жечь?

– Делает! Делает, черт возьми! – гордо и самодовольно ответил дед, неожиданно появляясь в рубке с дымящимся прибором в руках. – Теперь они нас не видят, это раз. Зато мы их видим, это два. И еще, самое главное – я сварил кофе!

Он торжественно, как олимпийский факел, протянул мне большую, закопченную кружку. Кофе был черный, как душа Коршунова, и настолько крепкий, что, казалось, в нем ложка должна была стоять вертикально, не касаясь дна. Я сделал осторожный глоток и чуть не выплюнул все обратно. Во рту, казалось, взорвалась целая сверхновая звезда.

– Дед, – прохрипел я, чувствуя, как горло обжигает огнем. – Ты туда сахар случайно не забыл положить? Или, может, просто воды добавить?

– Сахар? – удивился дед, как будто я спросил его, не хочет ли он прыгнуть в черную дыру. – А, это. Там не сахар. Там я добавил совсем чуть-чуть обедненного урана-238. Для бодрости, знаешь ли. Чтобы мозги лучше работали в стрессовой ситуации. Не бойся, он почти безопасный, если не глотать кусками.

Я с ужасом посмотрел на кружку в своей руке. Кружка в темноте рубки светилась мягким, изумрудно-зеленым светом, отбрасывая жутковатые тени на лица.

– Красиво, – сказал я обреченно. – Я теперь, получается, буду светиться в темноте, как новогодняя елка. Меня Коршунов за сто километров в открытом космосе увидит, даже без радара.

– Не увидит, – успокоил меня дед с абсолютной уверенностью. – У него сканеры настроены на стандартные, бытовые частоты. А ты, если выпьешь, будешь светиться в гамма-диапазоне. Это вообще никто не смотрит. Слишком хлопотно.

Я допил кофе одним глотком, чувствуя, как по телу разливается приятное (или не очень?) тепло. Бодрость действительно появилась невероятная. И легкое, приятное головокружение. И дикое, непреодолимое желание жить, бороться и побеждать, несмотря ни на что, даже вопреки законам физики и логики.

– Смотрите! – вдруг закричал отец, тыча пальцем в тактический экран.

«Ястреб» неожиданно начал менять курс. Он медленно, как бы нехотя, разворачивался и уходил в противоположную сторону, к большому скоплению астероидов, где даже радары захлебывались от помех.

– Уходит! – выдохнул я с невероятным облегчением. – Неужели пронесло? Неужели дедова глушилка работала?

– Не пронесло, – раздался сзади спокойный, ледяной голос.

Мы все разом обернулись, как по команде. В дверях рубки стояла бабушка. С тарелкой дымящихся, румяных котлет. Но взгляд у нее сейчас был совершенно не бабушкин. Не тот, которым она смотрит на провинившегося деда или на наши шалости. Взгляд был жесткий,

колючий, как у человека, который всю жизнь прослужил в органах и знает гораздо больше, чем говорит.

– Зина? – удивился дед, чувствуя неладное. – Ты чего? На тебе лица нет.

– Садитесь есть, – спокойно, но тоном, не терпящим возражений, сказала бабушка. – И слушайте меня внимательно. Потому что сейчас, мужики, я вам расскажу, кто я такая на самом деле. И почему я, собственно, вышла замуж за тебя, старый пень, хотя у меня были варианты получше.

Дед открыл рот и забыл его закрыть. Отец побледнел так, что стал одного цвета с бортовой краской «Медузы». А я вдруг с ужасающей ясностью понял, что наша семья – это не просто три поколения космических бомжей и неудачников. Это три поколения чудовищных тайн, невероятной лжи и, кажется, единственная надежда на спасение всей этой гребаной галактики.

Котлеты на тарелке пахли просто умопомрачительно, до головокружения. Снаружи, за тонкой обшивкой, нас поджидал Коршунов со всей своей армадой. А бабушка, моя любимая, родная бабушка, которая пекла мне пирожки в детстве и гоняла деда за самогоном, полезла под фартук и достала оттуда потрепанное пластиковое удостоверение, которого у нее по определению быть не могло.

На нем жирным имперским шрифтом было выбито: «Имперская служба безопасности. Пенсионное удостоверение. Полковник Зинаида Игнатьевна Светлова. Допуск к материалам особой важности – пожизненно».

– Ну что, мужики, – сказала бабушка, невозмутимо взяв с тарелки котлету и откусив добрую половину. – Поговорим по душам? Долгими зимними вечерами? Времени у нас, правда, не очень много.

Глава 3. Вит Ветров: анатомия одного предательства

«Предательство – это как бумеранг. Можно кинуть его очень далеко и очень сильно, но рано или поздно он вернется и врежет тебе прямо по затылку. Вопрос только в силе удара».
– Имперская народная мудрость.

– Значит, так, – бабушка деловито откусила еще кусок котлеты и довольно, по-кошачьи, зажмурилась. – Хорошо получилось, сочно. С луком, по-одесски. Мой бывший начальник, генерал-полковник Кречетов, очень такие уважал. Бывало, придешь к нему с докладом, а он: «Зиночка, а нет ли у вас случаев котлеток? А то мы тут с вами о государственных тайнах, а душа праздника просит».

– Бабушка! – взвыл я, чувствуя, как у меня начинает ехать крыша. – Какие, к черту, котлеты?! Какой еще Кречетов?! Ты – полковник имперской госбезопасности?! Это что, шутка такая?

– Бывший полковник, внучек, – поправила меня бабушка с необыкновенным достоинством. – Уже бывший. Я на заслуженной пенсии уже почти двадцать лет. Имею полное право на личную жизнь, на кулинарные эксперименты и на то, чтобы скрывать свое прошлое от несовершеннолетних внуков, чтобы не травмировать их нежную психику.

– А то, что ты вышла замуж за деда, который всю свою сознательную жизнь промышлял мелкой контрабандой и воровством запчастей с имперских складов – это тоже был такой кулинарно-шпионский эксперимент? – ехидно поинтересовался отец.

Дед обиженно засопел и нахохлился, как старый воробей.

– Я не торговал, я перевозил, – буркнул он себе под нос. – Это две большие разницы. Я удовлетворял потребности населения в дефицитных товарах. Это называется гуманитарная миссия.

– Ты перевозил то, что перевозить было категорически нельзя, – уточнила бабушка с усмешкой. – Но я, как честный офицер, за ним, между прочим, следила. Работа у меня такая была, слежка за особо опасными элементами. А потом... – она тяжело вздохнула. – Потом, как

дура, влюбилась. В этого обормота с золотыми руками и пустой головой. Влюбилась по уши. Старая дура, что с меня взять.

– И ты молчала об этом целых пятьдесят лет? – дед аж подскочил на месте, забыв про кофеварку. – Зина! Да я тебе все свои секреты за эти полвека выболтал! Где у меня схроны, где явки, где я самогон варю!

– Самогон я и без тебя прекрасно знала, где варится, – фыркнула бабушка. – Твой самогон, Игнат, вообще единственное, что в этой семье работает абсолютно безупречно и безотказно. Даже мои бывшие коллеги из отдела перспективных вооружений хотели у меня рецепт купить за очень большие деньги. Предлагали три пенсии вперед.

– И ты продала? – ахнул дед, хватаясь за сердце.

– А ты думал, – усмехнулась бабушка. – На эти деньги мы тебе новую кофеварку купили. Ту, которую ты потом модернизировал до плазменной пушки.

Я сидел ни живой, ни мертвый и чувствовал, как мой привычный, уютный мир рушится на глазах, как картонный домик под ураганом. Моя любимая бабушка – шпионка. Мой обожаемый дед – контрабандист поневоле, который даже не знал, на ком женился. Мой отец – просто капитан ржавого корыта, который по глупости вляпался в историю по самые уши. А я – я вообще кто? Недоразумение какое-то?

– Михаил, – бабушка посмотрела на меня с неожиданной, пронзительной нежностью, от которой у меня защипало в носу. – Ты – главная надежда нашей семьи. Потому что только у тебя, как у самого молодого и неопытного, есть реальный шанс не повторить наших фатальных ошибок. Ты можешь стать лучше нас.

– Спасибо, бабушка, – кисло сказал я. – Ободрила так ободрила, прямо до слез. А теперь скажи мне, ради всего святого: что это за камень? И почему из-за него за нами сейчас охотится половина имперского флота во главе с самым опасным психом галактики?

Бабушка отложила недоеденную котлету, аккуратно вытерла пальцы о фартук и стала абсолютно серьезной. Передо мной сидел не просто родной человек, а настоящий полковник госбезопасности, даже с мукой на щеке и пятном от жира на фартуке.

– То, что вы, балбесы, нашли в том контейнере – не просто древний артефакт, как вы думаете. Это легендарная «Янтарная тюрьма». Так ее называли еще в глубокой древности, во времена Золотых Королей. Внутри этого куска янтаря – не просто доисторический жук, который там случайно застрял. Внутри – зародыш. Биологическое оружие невероятной, чудовищной силы, созданное расой, которая правила этой галактикой задолго до того, как первые обезьяны слезли с деревьев на Земле. Золотые Короли.

– Золотые Короли? – переспросил отец, и голос его дрогнул. – Это же просто сказки, легенды для детей. Их никогда не существовало на самом деле.

– Легенды, которые, если их разбудить, могут сожрать твой корабль вместе с тобой за считанные секунды, – отрезала бабушка. – Если камень разбить или просто сильно нагреть, защитная оболочка разрушится, и зародыш проснется. И начнет расти с космической скоростью. За сутки эта тварь может достичь размеров небольшого астероида. За неделю – поглотить целую планету. А кормится она... любой доступной энергией. Тепловой, электрической, ядерной, какой угодно. Высосет наш реактор досуха – и мы превратимся в холодную, безжизненную консервную банку, дрейфующую в космосе вечность.

Мы переглянулись. Дед побледнел так, что его седая борода стала казаться черной на фоне белого, как мел, лица.

– Я вез такую хреновину? – прошептал он осипшим голосом. – В пятьдесят третьем? Когда летал на Марс с тем подозрительным грузом?

– Вез, – кивнула бабушка. – И тебя тогда, дурака, прикрывала целая группа моих ребят. Мы подменили контейнер прямо в полете, пока ты спал в своей каюте, напившись в стельку. А настоящий... настоящий груз тогда ушел напрямик к Коршунову-старшему. К отцу этого гаденыша, который сейчас за нами гонится.

– К отцу? – уточнил я, начиная понимать масштаб трагедии.

– Именно. И Коршунов-старший прекрасно знал, что это такое и какую силу может дать. Он мечтал использовать «Янтарную тюрьму» как абсолютное оружие, чтобы захватить власть в Империи. Но не успел, умер при очень странных и загадочных обстоятельствах. А его сынок, Арсений, унаследовал не только крейсер «Ястреб», но и все папины секреты. И теперь он ищет камень, чтобы завершить дело отца.

– И теперь он хочет забрать этот камень у нас? – спросил отец, и в его голосе звучала обреченность.

– Он хочет не просто камень, Павел. Он хочет безграничную власть, – поправила бабушка. – Камень для него – это всего лишь удобный инструмент. С его помощью он сможет шантажировать весь Имперский Сенат, сможет уничтожать непокорные миры. Он сможет стать богом, если, конечно, не сдохнет первым, когда тварь внутри камня проснется и сожрет его вместе с его драгоценным крейсером. Но Коршунова это не волнует. Он игрок, и он готов рискнуть всем.

– Красивая перспектива, – хмыкнул я, чувствуя, как во рту пересохло. – Прямо райские кущи. И что нам теперь, интересно, делать?

Бабушка открыла рот, чтобы дать нам очередную порцию откровений, но в этот момент корабль содрогнулся от мощнейшего удара. Так сильно, что мы все, включая бабушку с тарелкой, попадали с кресел и покатались по полу рубки. Котлеты разлетелись во все стороны, и одна из них липко шлепнулась прямо на лоб отцу.

– Попали, – констатировал дед абсолютно спокойным тоном, выглядывая в ближайший иллюминатор. – Товарищи дорогие, у меня для вас плохие новости. Они стреляют. Прямо по нам, целехонько.

– Не по нам, – поправил его отец, кое-как поднявшись и вглядываясь в показания радара. – По астероидам вокруг нас. Они хотят вызвать массированный камнепад и просто завалить нас тоннами обломков. Классическая тактика.

– Гениально, – вздохнул я, поднимаясь с пола и потирая ушибленный локоть. – Просто гениально в своей простоте. Умереть, будучи раздавленным кусками космического камня в открытом космосе. Красивее только в гробу под духовой оркестр на собственных похоронах.

– Не ной! – рявкнула бабушка неожиданно зычным, командирским голосом. Она решительным движением сорвала с себя фартук и мгновенно превратилась из домохозяйки в боевого офицера. – Игнат, живо тащи мой старый, армейский чемодан из-под кровати! Тот, что с секретным замком! Павел, готовь маневровые двигатели к экстренному маневру! Михаил, быстро за мной!

– Куда? – опешил я, не понимая, что происходит.

– Учить тебя воевать по-настоящему, внучек! – крикнула бабушка, уже выбегая из рубки. – Потому что если мы сейчас не дадим этим выкорышам достойный бой, то через каких-то полчаса твоя любимая бабушка будет уже не с котлетами и пирожками, а с нимбом над головой и крыльями за спиной! И это не входит в мои пенсионные планы!

Я рванул за ней. В длинном, узком коридоре она резко остановилась и обернулась ко мне. В ее глазах плясали те же бесенята, что и у деда, когда он колдовал над очередным изобретением.

– Знаешь, почему Ветров предал твоего отца пять лет назад? – спросила она вдруг, глядя мне прямо в душу.

– Потому что он подонок и мразь? – предположил я самое очевидное.

– Потому что он трус, – бабушка печально покачала головой. – Вит Ветров – самый обычный, заурядный трус. Он случайно увидел, что лежит в контейнере, понял, что это такое и чем грозит, и просто испугался. До усрачки испугался. Потому что настоящая опасность для таких людей не в том, что тебя убьют. А в том, что ты можешь по своей глупости разбудить то, что потом уже никакая сила не остановит.

– И поэтому он сбежал, бросив отца?

– Поэтому. А теперь он вернулся, потому что его заставили силой. Коршунов поймал его, прижал к стенке, и теперь Ветров – его послушная марионетка. Он будет делать все, что прикажут, потому что дорожит своей жалкой шкурой. И он тот, кто наведет врага прямо на наш след. Помяни мое слово, внучек.

Я вспомнил Ветрова, стоящего на пирсе. Его холеное лицо, его фальшивую улыбку, его мундштук с сигаретой. Его предложение «помочь» и выиграть время. И вдруг все кусочки этого грязного пазла встали на свои места.

– Он нас специально заманил в ловушку, – прошептал я, чувствуя, как закипает холодная, лютая злоба. – Он дал нам уйти только для того, чтобы Коршунов знал, где мы и куда летим. Он маяк.

– Умный мальчик, – кивнула бабушка с одобрением. – Соображаешь на ходу. А теперь скажи мне, стратег: что мы будем делать в этой безвыходной ситуации?

Вокруг снова грохнуло, и корабль тряхнуло еще сильнее. Где-то в рубке отчаянно матерился отец, проклиная Коршунова и всех его родственников до седьмого колена по матери. Дед, судя по доносящимся звукам, пытался на скорую руку починить свою кофеварку, которая теперь, судя по гудению, работала как мощный генератор защитного поля, пожирая остатки энергии.

– Мы не можем просто сбежать, – сказал я, лихорадочно соображая. – Нас слишком много, нас будет легко засечь. А их слишком много, они перекроют все выходы.

– Правильно мыслишь.

– Мы не можем сдаться, даже если захотим. Коршунов убьет нас в любом случае, просто ради собственного удовольствия.

– Верно, внучек.

– Значит, – я глубоко вздохнул, – у нас только один выход. Нападать первыми.

Бабушка расплылась в широкой, искренней улыбке. Впервые за этот безумный вечер.

– Внучек, – сказала она с гордостью. – А из тебя, кажется, и правда выйдет толк. Пошли скорее. Покажу тебе, чему меня учили мои старые учителя в школе имперской разведки.

Мы ворвались в ее каюту. Там, под горой трехлитровых банок с солеными огурцами, квашеной капустой и вареньем из одуванчиков, стоял старый, потертый, но очень внушительный армейский чемодан с выцветшей, но все еще различимой эмблемой Имперской службы безопасности.

– Открывай, – скомандовала бабушка. – И знакомься со своим наследством, Михаил.

Я дрожащими руками щелкнул массивными замками. Тяжелая крышка медленно поднялась. Внутри, на идеально вычищенном бархате, лежало оружие. Но не такое, как в дешевых оружейных магазинах на окраинах. Красивое, изящное, смертоносное. Древнее, но идеально сохранившееся.

– Это оружие, внучек, – сказала бабушка тихо и торжественно, – работало еще до Большого Исхода. И оно работает до сих пор, лучше всякого современного пластикового дерьма. Бери.

Я осторожно взял в руки тяжелый, теплый, почти живой пистолет неземной красоты. На вороненом стволе была искусно выгравирована дарственная надпись: »Полковнику Светловой

З.И. За беспримерную верность Империи и личное мужество, проявленное при исполнении служебного долга. 2457 год от Р.Х.»

– Бабушка, – выдохнул я, потрясенный. – Ты была настоящим героем?

– Я была, внучек, дурой-полковником, – поправила она меня с грустной усмешкой. – Которая влюбилась в старого контрабандиста и испортила себе всю блестящую карьеру. Но оружие свое я сберегла как зеницу ока. И сейчас, внучек, мы покажем этим напыщенным мальчикам на «Ястребе», что значит настоящая, дедовская школа. Школа, которую сейчас уже не преподают.

Снаружи грохнуло с такой чудовищной силой, что тяжеленный чемодан подпрыгнул на месте. Мы с бабушкой выглянули в иллюминатор.

«Ястреб» висел прямо перед нами, огромный, черный, неумолимый. Он подошел так близко, что можно было без труда разглядеть зловещие отблески пламени в его многочисленных орудийных портах, готовых к залпу. Коршунову надоело играть в кошки-мышки. Он не собирался нас заваливать камнями, как крыс в норе. Он собирался расстрелять нас лично, в упор, как мишень в тире.

– Ну что, – сказал я, взводя курок древнего, но смертоносного пистолета. – С Богом, бабушка.

Бабушка перекрестилась размашистым жестом. И мы пошли умирать. Или побеждать. В семье Светловых это всегда было одним и тем же.

Глава 4. Рейс на «Балтику-7»: пункт назначения – неизвестность

«Космическая станция «Балтика-7» была известна в галактике тремя вещами: самым крепким пивом Балтика-9 во всем секторе, самым фальшивым гостеприимством и самой высокой концентрацией интересных личностей на квадратный метр. Идеальное место, чтобы спрятаться или чтобы тебя убили. Как повезет». – Из путеводителя для сталкеров и контрабандистов.

– Огонь по готовности! – заорал я, выскакивая в коридор с бабушкиным пистолетом в руке, чувствуя себя героем дешевого боевика.

– Куда прешь, салага необстрелянный! – рявкнул дед, пулей вылетая из своей каюты с кофеваркой наперевес. Кофеварка плевалась сгустками синеватой плазмы и сыпала искрами, как бешеный, разъяренный дракон. – В рубку давай, быстро! Там твой отец сейчас один не справится, ему помощь нужна!

Мы влетели в рубку. Отец сидел в пилотском кресле, мертвой хваткой вцепившись в штурвал, и матерился так виртуозно и изощренно, что даже дед, знаток этого дела, на секунду покраснел и отвел глаза. Перед нами на огромном тактическом экране во всей своей чудовищной красе висел «Ястреб» – огромный, как город, черный, как сама смерть, с выгравированным на борту хищным силуэтом птицы, сжимающей в когтях планету. Красивая смерть, ничего не скажешь.

– Они уже вызвали подкрепление по открытому каналу, – выдохнул отец, не оборачиваясь. – Я перехватил переговоры. Через каких-то десять минут здесь будет вся их эскадра. Эсминцы, фрегаты, десантные корабли.

– У нас нет десяти минут, – заметил я, глядя, как на «Ястребе» одна за другой начинают разворачиваться орудийные башни главного калибра.

– Я знаю, – тихо сказал отец.

– И что будем делать?

– А я, блин, откуда знаю?

Гениально. Просто гениально, выше всяких похвал. Лучший стратегический план за всю историю человечества. Прямо Наполеон отдыхает.

– Дед, – обернулся я к старику, который сосредоточенно колдовал над своей кофеваркой, что-то настраивая и подкручивая. – Твоя сумасшедшая железка может вырубить им орудийные системы?

– Может, – задумчиво, но уверенно сказал дед. – Теоретически – вполне. Если я сейчас подключу ее напрямую к нашему реактору, минуя все предохранители, дам полную, запретельную мощность и пожертвую при этом всей электропроводкой на корабле, то, возможно, создам мощнейший электромагнитный импульс. Но тогда мы останемся вообще без света, без связи и без навигации. Полные инвалиды.

– А без жизни мы останемся ровно через пять минут! – напомнила бабушка, появляясь в рубке с чемоданом, из которого угрожающе торчали стволы самого разного калибра. – Рискуй, Игнат! Другого выхода у нас все равно нет!

Дед молча кивнул, приняв решение, и мгновенно исчез в недрах корабля. Через минуту по всему буксиру бешено замигали лампочки, отчаянно завывли все мыслимые сирены, и свет окончательно погас. Остались только тусклые, красные аварийные огоньки и жидкокристаллические экраны, работающие на последнем, резервном питании.

– Есть! – донеслось из динамика интеркома торжествующее дедово кряхтение. – Смотрите все на экран! Сейчас будет фейерверк!

На тактическом экране «Ястреб» вдчасно замигал, его огромные орудийные башни, только что нацеленные на нас, конвульсивно дернулись и замерли в самых неестественных, нелепых позах. По черному корпусу крейсера побежали разноцветные, веселые искры, как на новогодней елке.

– Мы вырубili им все системы наведения! – заорал я от неожиданности.

– Дед, ты гений! Ты просто космический гений!

– Я знаю! – гордо и самодовольно ответил дед из динамика. – Я всегда это знал! А теперь, балбесы, валите отсюда со всех ног, пока они не включили ручное управление и не начали палить по нам из лазеров!

Отец, не теряя ни секунды, рванул штурвал на себя, закладывая немыслимый, сумасшедший вираж. «Медуза» взвизгнула всеми своими ржавыми швами, но послушно метнулась в сторону и на бешеной скорости проскочила между двумя огромными, размером с футбольное поле, астероидами, оставляя с каждой стороны зазор не больше метра. Я зажмурился и начал в уме читать все молитвы, которые когда-либо знал или слышал. Их было катастрофически мало. Очень мало для такой критической ситуации.

– Проскочили, – выдохнул отец, и в его голосе звучало нечеловеческое облегчение.

Я открыл глаза. Огромный, страшный «Ястреб» остался далеко позади, окруженный роем мелких, безобидных астероидов. Его орудия безвольно висели, как крылья у мертвой, подстреленной птицы.

– Уходим в гиперпрыжок, – скомандовала бабушка железным, не терпящим возражений голосом. – Прямо сейчас, сию секунду. Пока этот гад не очухался и не послал за нами истребители.

– Не можем, – покачал головой отец, мрачняя на глазах. – Навигационная система полностью сдохла. Вместе со всей остальной проводкой. Дед, похоже, спалил всю сеть к чертовой матери. Мы теперь слепые котята.

– А без навигации в гипер прыгать – это чистое, гарантированное самоубийство, – добавил я обреченно. – Мы можем выйти прямо в центре звезды и даже не заметить этого. Или в черной дыре. Вариантов масса, и все плохие.

– Значит, полетим по старинке, по приборам, – решила бабушка, не моргнув глазом. – На ручном управлении. До станции «Балтика-7» отсюда примерно три часа ходу на досветовой скорости. Дотянем, как думаешь, капитан?

Отец посмотрел на приборную панель, которая сейчас напоминала новогоднюю елку после того, как с нее сняли все игрушки. Большинство индикаторов и экранов погасли навсегда, но основные, маршевые двигатели, слава богу, еще работали и ровно гудели.

– Дотянем, – сказал он после долгой, мучительной паузы. – Если по дороге не сдохнем от космической радиации, не умрем с голоду и не взорвемся от очередного дедова эксперимента.

– Эй! – обиженно завопил дед из динамика. – Мои гениальные эксперименты, между прочим, только что спасли нам всем жизнь! Между прочим, могли бы и спасибо сказать!

– И лишили нас при этом связи, света и навигации! – парировал я. – Так что давай, дедуля, полезай обратно в свое логово и начинай чинить все это немедленно. У тебя есть три часа.

– А поесть? – жалобно спросил дед.

– Котлеты на камбузе, – отрезала бабушка. – Но если ты за три часа не починишь нам навигацию, учти, этот ужин может стать для тебя последним в твоей долгой и богатой на события жизни.

Дед обиженно крикнул и отключился, видимо, побежал на камбуз за котлетами, а потом в мастерскую. А мы полетели дальше сквозь бесконечный, холодный космос.

Три долгих, мучительных часа до спасительной станции «Балтика-7». Три часа абсолютной тишины, непроглядной темноты и призрачной надежды, что Коршунов не догадается, куда мы направляемся. Три часа, за которые вся моя жизнь, все мои представления о мире и о себе перевернулись с ног на голову.

Я сидел в кресле второго пилота, машинально сжимая в руке холодный металл бабушкиного пистолета, и думал о Вите Ветрове. О человеке, который когда-то был лучшим другом моего отца, который предал его самым подлым образом, сбежал, а теперь вернулся, чтобы добить. Что движет такими людьми? Холодный, животный страх? Неутолимая жадность? Или просто врожденная, патологическая слабость характера?

– Не парься, – неожиданно сказал отец, словно прочитав мои мысли. – Ветров свое получит, можешь не сомневаться. Рано или поздно.

– Когда?

– Когда перестанет бежать, – философски заметила бабушка, сидевшая в углу.

– Бегут такие люди всегда по замкнутому кругу. Рано или поздно они обязательно прибегают туда, откуда когда-то начали свой путь. Вопрос только в том, кто их там встретит и что скажет.

Я посмотрел в иллюминатор. Бесконечные звезды медленно, величественно ползли мимо. Где-то там, в непроглядной темноте, нас ждала «Балтика-7». Огромная космическая станция на полпути к абсолютному никуда. Последний, жалкий оплот цивилизации перед бескрайним, диким поясом астероидов. Или, как говорил дед, «вонючая, вшивая дыра, где даже фирменный самогон разбавляют техническим спиртом».

– А что мы, собственно, будем делать на этой «Балтике»? – спросил я, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

– Доставим груз по назначению, – пожал плечами отец. – Получим свои кровные денежки. А потом... потом будем решать, что делать с этим проклятым камнем.

– Может, просто выкинуть его в открытый космос? – предложил я самую простую идею. – Чтобы никому не достался и не мучил нас больше?

– Нельзя, – категорично покачала головой бабушка. – Если он попадет в гравитационное поле какой-нибудь планеты или звезды, защитная оболочка может разрушиться, и зародыш проснется. Нам нужно отвезти его в такое место, где он будет в абсолютной, гарантированной безопасности.

– И где же во всей галактике есть такое место?

Бабушка посмотрела на меня долгим, пронзительным взглядом.

– Есть одно, – сказала она тихо, почти шепотом. – Но туда еще нужно добраться. И добраться живыми, что в нашей ситуации совсем непросто.

– И как же оно называется, это секретное место?

– Кёнигсберг, – просто ответила бабушка. – Точнее, то, что находится глубоко под ним. Старые, заброшенные форты. Подземный город, построенный еще в древности. Там живут люди, которые точно знают, что делать с такими опасными артефактами.

Я присвистнул. Кёнигсберг – это же Старая Земля. Та самая планета, с которой мы только что чудом унесли ноги. Та самая, которую сейчас сворачивают и готовятся продать с молотка, как ненужный хлам.

– Мы летим обратно? – уточнил я на всякий случай.

– Если выживем в ближайшие часы, – кивнула бабушка. – Если выживем.

Три долгих, томительных часа прошли в тяжелом, напряженном молчании. Каждый из нас думал о своем. Отец – о том, как спасти свою семью и не облажаться в очередной раз. Дед – о том, как бы починить навигацию и не спалить корабль окончательно. Бабушка – о том, сколько еще страшных семейных тайн ей придется сегодня раскрыть. А я – о том, кем же я, черт возьми, стану, когда вся эта безумная эпопея наконец закончится. И закончится ли она вообще?

Когда на бескрайних просторах космоса, наконец, замаячили долгожданные огни станции «Балтика-7», я вдруг с абсолютной, кристальной ясностью понял одну простую, но очень важную вещь: моя прежняя, скучная и однообразная жизнь никогда не вернется. И дело было вовсе не в дурацком камне, не в злобном Коршунове и даже не в подлом предательстве Ветрова. Дело было во мне самом.

Я впервые в жизни по-настоящему захотел не просто выжить любой ценой. Я захотел победить. Я захотел дать сдачи.

– Приготовиться к стыковке! – скомандовал отец, выводя корабль на орбиту станции. – Михаил, быстро дуй в шлюз и приготовься встречать дорогих гостей.

– Каких еще гостей? – удивился я.

– А я откуда знаю, – усмехнулся отец, но усмешка вышла нервной. – На «Балтике» всегда полно самого разного народа. И, поверь моему опыту, далеко не все из них наши друзья.

Я тяжело вздохнул, сунул пистолет за пояс и пошел в шлюзовую камеру. Бабушкин пистолет приятно грел бок через ткань куртки. За спиной осталась рубка с отцом и бабушкой. Где-то в глубоких недрах корабля яростно копался в проводах дед. А впереди была абсолютная, пугающая неизвестность.

«Балтика-7» встречала нас хаотично мигающими стыковочными огнями и привычным, тошнотворным запахом переработанного воздуха. Типичная космическая станция-помойка. Только вот на причале, к которому мы пристыковались, вместо обычных докеров и грузчиков стояла группа мрачных людей в идеально выглаженной черной форме Имперской службы безопасности. И смотрели они прямо на наш шлюз.

– Попали, – выдохнул я, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

Отец сзади выругался длинно и грязно. Бабушка абсолютно спокойно достала из-под фартука второй, запасной пистолет.

– Не дрейфь, внучек, – сказала она с ледяным спокойствием. – Это, голубчики, только самое начало веселья.

И мы вышли встречать свою судьбу.

Глава 5. «Ястреб» и капитан Коршунов: портрет хищника в интерьере

«Есть люди, которые рождаются с улыбкой на лице. А есть те, кто рождается с прицелом на лбу. Коршунов был из вторых. Просто тогда, в роддоме, никто этого не заметил».
– Из показаний свидетеля по делу капитана Коршунова.

Шлюз открылся с протяжным, тоскливым шипением гидравлики. Воздух станции «Балтика-7» ударил в лицо привычной, тошнотворной смесью: озон от бесчисленных генераторов, вонь дешевого синтетического кофе из автоматов и кислый запах чужого, нестираного пота. Запах космической помойки, где люди готовы продать собственную душу за лишний кредит и кусок хлеба с синтетическим маргарином.

– Светлов Павел Игнатьевич? – осведомился офицер, шагнув вперед и щелкнув каблучками начищенных ботинок.

Молодой лейтенант, лет двадцати пяти, с выбритым по-уставному затылком, бледным, невыразительным лицом и глазами, полными болезненного, фанатичного служебного рвения. Самая опасная, непредсказуемая порода людей в галактике. Такие стреляют сначала, а документы проверяют потом, уже у трупов.

– Допустим, – буркнул отец, выходя из шлюза с таким независимым и нахальным видом, будто собирался не документы на груз предъявлять, а надрать кому-то тощий зад за плохое поведение. – А в чем, собственно, дело, сынок? Мы люди маленькие, мирные, ничего не знаем.

– Имперская служба безопасности, – лейтенант сунул под нос отцу удостоверение, которое тот даже не посмотрел. – Приказ капитана Коршунова. Полный досмотр всех прибывших с территории Старой Земли.

– С Земли? – отец изобразил на лице такое искреннее удивление, что я на секунду поверил ему сам. – А мы, понимаешь, с пояса астероидов топаем. Заблудились маленько по дороге. Навигация, понимаешь, накрылась медным тазом, спасибо деду-экспериментатору. Пришлось петлять.

Офицер нахмурился, с подозрением сверяясь с планшетом.

– Но по нашим оперативным данным, вы вышли с Земли ровно четыре часа назад. У нас есть точная фиксация взлета.

– Данные, лейтенант, имеют неприятную привычку врать, – вмешался я, выходя из шлюза и стараясь придать своей физиономии максимально безобидное, глуповатое выражение.

Молодой, зеленый помощник капитана, который ничего не знает, ничего не решает и вообще случайно здесь оказался. Таких на каждой станции пруд пруди.

– У нас дед – заслуженный рационализатор и изобретатель, – продолжал я заливать. – Он так намурил с электропроводкой в этот раз, что мы теперь вообще не знаем, откуда конкретно вылетели и куда, собственно, прилетим. Может, мы вообще из параллельной галактики, а? Мало ли, бывает.

– Молчать! – рявкнул лейтенант, сверкнув глазами. Но в его уверенном взгляде мелькнула тень сомнения. Сомнение – это хорошо. Сомнение можно и нужно использовать.

Из глубины шлюза величаво, как императорский крейсер на параде, выплыла бабушка. С корзинкой. Самой обычной, плетеной, деревенской корзинкой, из которой аппетитно торчало горлышко запотевшей бутылки и выглядывал краешек вышитого полотенца.

– Мальчики, – ласково, прямо-таки медовым голосом проворковала бабушка, – а вы тут долго еще будете выяснять отношения? У меня, понимаешь, пирожки с пылу с жару стынут, теряют свои вкусовые качества. А ну-ка, идите сюда, служивые. Устали, небось, на посту стоять, проголодались? Берите, пока горячие.

Лейтенант опешил. Он явно готовился к допросу опасных преступников, к перестрелке, к погоне, к героизму. А тут – бабушка с пирожками. Такого сценария не было ни в одном учебнике.

– Не положено, – неуверенно пробормотал он, но взгляд его уже приклеился к корзинке.

– Чего не положено-то? – бабушка ловко, одним движением, выхватила из корзинки румяный, с хрустящей корочкой пирожок, от которого шел такой умопомрачительный аромат, что у меня самого слюнки потекли ручьем. – Пирожок съесть, что ли, не положено служивому человеку? А ну, попробуй откажись от угощения, когда тебе бабушка предлагает!

Пирожок пах так, что у лейтенанта, судя по его внезапно изменившемуся лицу, потекло что-то другое, кроме слюней. Он судорожно сглотнул.

– Я на службе, вообще-то...

– И Христос, между прочим, на службе был у людей, а ел! – наставительно подняла палец бабушка, ловко всовывая пирожок прямо в несопротивляющуюся руку офицера. – Ешь давай, не стесняйся. С мясом, свежайшие. Домашние, не какие-нибудь синтетические из автомата.

Лейтенант, как загипнотизированный, поднес пирожок ко рту. Откусил. Зажмурился от нахлынувшего, почти забытого блаженства.

– Хорошо, – промычал он с набитым ртом, жуя и довольно урча. – Очень, очень хорошо. Спасибо, бабушка.

А то ж, – довольно кивнула бабушка. – Я, сынок, эти пирожки еще при царе Горохе печь научилась. У меня прабабка в царской кухне служила. А теперь скажи-ка мне, служивый, по старой дружбе: чего это вы тут на посту стоите, как истуканы? Война, что ли, началась, пока мы летели? Террористы какие объявились?

– Да нет, – лейтенант облизнулся, доедая пирожок и с надеждой косясь на корзинку. – Камень тут один ищут, понимаете. Янтарный. Говорят, очень ценный, исторический. Сам капитан Коршунов лично прибудет с минуты на минуту, будет проверять все прибывшие суда.

– Ох ты ж, батюшки! – всплеснула руками бабушка, изображая полную наивность. – Камень! А я-то, старая, думала, сокровища какие пиратские ищите. Ну давай, проверяйте, милые, проверяйте. У нас ничего такого нет и быть не может. Только хлам старый, запчасти от дедовых изобретений да я со своими пирожками.

– Дед? – переспросил лейтенант, насторожившись.

– Ага, – подтвердил я, входя в роль. – Вы его, пожалуйста, не трогайте, он у нас с приветом. Глуховат, слеповат и вообще, – я выразительно покрутил пальцем у виска. – Военный синдром, контузия старая. Чуть что не по нему – сразу начинает стрелять без предупреждения.

– Из чего стрелять? – еще больше насторожился офицер.

– Из кофеварки, – честно признался я, разводя руками. – Он в нее генератор плазменный встроил, для сугреву. Лечится так от депрессии. Пьет кофе и стреляет во все стороны. Говорит, помогает.

Лейтенант посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. Потом перевел этот же взгляд на бабушку. Потом снова с надеждой уставился на корзинку, где лежало еще с десятков румяных пирожков.

– Ладно, – махнул он рукой обреченно. – Проходите пока. Но имейте в виду

– если что, мы вернемся. С самой тщательной проверкой.

– Возвращайтесь, голубчик, возвращайтесь, – ласково сказала бабушка, пряча корзинку за спину. – Я еще пирожков к вашему приходу напеку, с капустой и яйцом. Вы какие больше любите?

Мы быстро, но не бегом, прошли через кордон. Я выдохнул только за ближайшим углом, в техническом коридоре, заваленном какими-то трубами.

– Ба, – выдохнул я, чувствуя, как колотится сердце. – Ты просто гений шпионажа. Тебе бы в разведке служить, а не пирожки печь.

– Я и служила, внучек, – поправила бабушка, деловито поправляя фартук. – Тридцать лет без перерыва. А гении – это те, кто без пирожков воюет, на голом энтузиазме. Мы же, Светловы, воюем всегда с комфортом, с душой и с закуской.

– Куда теперь? – спросил отец, оглядывая пустой коридор.

– В город, – коротко ответила бабушка. – В старый, жилой сектор. Там живет один очень нужный нам человек. Он нам точно поможет.

– Кто же это? – спросил я, чувствуя очередной подвох.

– Громов, – сказала бабушка, и в ее обычно твердом голосе вдруг прозвучала какая-то странная, давно забытая нежность, от чего мне стало совсем не по себе. – Старый разведчик, моя первая любовь и мой бывший... начальник. Если он, конечно, еще жив после всего.

– А почему, интересно, он может быть мертв? – осторожно поинтересовался я.

– Потому что такие люди, как Громов, внучек, не умирают в своей постели под храп жены и плач внуков, – философски заметила бабушка. – Они просто исчезают в один прекрасный день. Или их исчезают те, кому это выгодно.

– Обнадеживает, прямо как всегда, – хмыкнул я, но спорить не стал.

Мы двинулись по бесконечным, запутанным коридорам станции. «Балтика-7» была классической перевалочной базой на задворках галактики: бесконечные бары с дешевым пойлом, сомнительные магазинчики, торгующие всем подряд, обшарпанные гостиницы для космических бродяг и кучи подозрительных личностей, бесцельно шныряющих туда-сюда в вечном поиске легкой наживы и халявной выпивки.

– Смотрите, – сказал отец, кивая на огромный голографический экран, висящий прямо в баре, мимо которого мы проходили.

Там, в новостном блоке, транслируемом на всю станцию, висело лицо. Красивое, холерное, хищное, с холодными, как лед, глазами, тонкими, брезгливо поджатыми губами и идеальным пробором в прическе. Капитан первого ранга Арсений Коршунов, командир крейсера «Ястреб». Легенда имперского флота. И наш личный, персональный кошмар на ближайшее будущее.

– ...капитан Коршунов сегодня сделал официальное заявление для прессы, – вещал диктор с идеальной укладкой. – Он пообещал, что найдет похитителей секретного имперского груза любой ценой и в кратчайшие сроки. Всем гражданам предписано немедленно сообщать о любой подозрительной активности в системе. Преступники чрезвычайно опасны, вооружены и, вероятно, находятся в состоянии отчаяния.

– Красавец, – прокомментировал я, разглядывая физиономию врага. – Прямо с обложки журнала «Космический психопат года». Модель.

– Не шути с этим, – оборвал меня отец, хмурясь. – Он вообще никогда не шутит. У него с чувством юмора напряженка с рождения.

Мы прошли мимо бара. За стойкой, протирая грязной тряпкой не менее грязные стаканы, скучал дроид-бармен старой модели, с оторванной рукой и одним работающим глазом. В углу, уронив лысую голову прямо на липкий стол, мирно дремал какой-то космический бродяга в промасленном комбинезоне. Обычная, рядовая картина для любого портового бара.

– Сюда, – скомандовала бабушка, неожиданно сворачивая в едва заметный, узкий проулок между мусорными контейнерами.

Там, за горой вонючего, гниющего мусора, была неприметная, обитая ржавым железом дверь с табличкой, на которой коряво было выведено от руки: «Опасно! Высокое напряжение! Не входить! Убьет!»

– Точно сюда? – усомнился я, оглядываясь на зловонные кучи.

– Точно, – кивнула бабушка и три раза постучала в дверь костяшками пальцев: три коротких, два длинных, и еще один короткий. Старый, шпионский шифр.

Дверь со скрежетом приоткрылась. В узкой полоске света показалось лицо. Старое, морщинистое, изрезанное глубокими шрамами, как старая карта звездного неба, с седой щетиной и кустистыми бровями. Но глаза... глаза у этого человека были неожиданно молодые, цепкие, живые, с хитринкой. И очень, очень внимательные.

– Зина, – сказал он хрипло, с присвистом. – Жива, старая чертовка. А я уж думал, ты того... померла давно от тоски по мне.

– А ты думал, – усмехнулась бабушка, и в ее голосе вдруг прорезались молодые, задорные нотки. – Здорово, Громов. Пустишь старую знакомую со товарищи?

Громов посторонился, пропуская нас в темный проем. Мы вошли.

За дверью оказалась довольно большая комната, заставленная старой, допотопной аппаратурой: мигающие экраны осциллографов, кучи проводов, паяльные станции, какие-то приборы неизвестного назначения. Пахло паяльной кислотой, жженым текстолитом, крепким кофе и старыми, пожелтевшими бумагами.

– Кто с тобой? – спросил Громов, глядя в наши лица в полумраке.

– Семья, – коротко ответила бабушка. – Павел, сын мой. Михаил, внук. И муж, – она кивнула в сторону двери, за которой остался дед. – Старый контрабандист, на корабле остался, навигацию пытается починить ценой собственной жизни.

– Светловы, значит, – Громов покачал головой, и на его губах появилась едва заметная усмешка. – Я, признаться, следил за вами все эти годы. Иногда. Когда было время.

– И что же ты выследил, старый?

– Что вы, голуби, вляпались по самые уши, – Громов тяжело опустился в скрипучее кресло, жестом предлагая нам располагаться кто где. – Коршунов ищет камень. «Янтарную тюрьму». И ему уже точно известно, что камень сейчас у вас.

– Откуда? – спросил отец напряженно.

– Ветров сдал, – пожал плечами Громов, как о чем-то само собой разумеющемся. – Вит Ветров вообще много чего сдает, у него талант. Он работает на Коршунова уже почти пять лет. С того самого момента, как сбежал с вашим грузом.

Я почувствовал, как внутри закипает привычная, холодная злоба.

– Так это он специально нас подставил пять лет назад? Подставил отца?

– Именно, – кивнул Громов, ничуть не смущаясь. – Ему тогда позарез нужен был этот камень. Но он, дурак, не знал, что груз по дороге подменили мои люди. Он вез пустышку, даже не подозревая об этом. А когда узнал, что в контейнере муляж, понял, что Коршунов его за это просто убьет. И сбежал, как крыса с тонущего корабля.

– А теперь вернулся, потому что Коршунов вышел на след настоящего камня? – догадался я.

– Умный мальчик, – одобрительно сказал Громов, сверкнув глазами. – Да. Коршунов нашел настоящий след. И Ветров вернулся, чтобы выслужиться перед хозяином в последний раз. Он думает, что если поможет поймать вас, то получит прощение и, может быть, даже награду.

– Получит пулю в затылок, – мрачно пообещал отец.

– Это еще в лучшем случае, – согласился Громов. – Но нам сейчас не о судьбе Ветрова думать надо. Нам надо срочно решать, что делать с этим чертовым камнем.

– Бабушка сказала, вы, возможно, знаете, – сказал я, глядя в глаза старому разведчику. – Что его можно надежно спрятать в Кёнигсберге. Под землей, в старых фортах.

Громов посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. Потом перевел взгляд на бабушку.

– Ты им уже все рассказала? – спросил он.

– Пришлось, – вздохнула бабушка. – Времени больше нет на секреты и недомолвки. Война на пороге.

Громов кивнул, с трудом поднялся из кресла и подошел к противоположной стене, сплошь заставленной стеллажами с барахлом. Нажал что-то неприметное, и часть стеллажей бесшумно отъехала в сторону, открывая темный, узкий проход, уходящий куда-то в глубину станции.

– Идемте, – коротко бросил он. – Покажу вам то, что мы строили здесь пятьдесят лет назад. И что, надеюсь, до сих пор работает, как часы.

Мы молча двинулись за ним. В темноту. В полную неизвестность. В самое сердце чудовищной тайны, которая должна была либо спасти нас всех, либо уничтожить без следа. А где-то на орбите «Балтики-7», в черной пустоте космоса, уже завис, готовый к прыжку, «Ястреб». Коршунов прибыл раньше, чем обещал. И он не собирался никого ждать.

Интерлюдия 1. Коршунов: портрет хищника в полный рост

«Знаешь, в чем разница между мной и вами, Светловы? Вы воюете, потому что у вас нет выбора. А я воюю, потому что мне это нравится. Потому что это единственное, что заставляет меня чувствовать себя живым».

– Капитан Арсений Коршунов, из личного дневника.

Капитан первого ранга Арсений Коршунов сидел в своем любимом командирском кресле на мостике крейсера «Ястреб» и с ленивым, хищным интересом разглядывал голографический экран, на котором во всех деталях медленно вращалась уродливая станция «Балтика-7». Маленькая, вонючая, ничтожная станция, населенная крысами, предателями и мелкими жуликами. Именно туда, по самым свежим данным его осведомителя Ветрова, направились эти никчемные Светловы.

– Ветров здесь? – спросил он, не оборачиваясь. Голос у него был тихий, вкрадчивый, но от него у подчиненных почему-то всегда холодело между лопаток.

– Так точно, господин капитан, – вытянулся в струнку адъютант. – Ожидает в коридоре, как вы приказали.

– Пусть войдет, – разрешил Коршунов, не меняя позы.

Вит Ветров вошел, стараясь изо всех сил держаться с достоинством и независимостью, как и подобает человеку, который делает важное дело. Но это у него получалось из рук вон плохо. Потому что перед Коршуновым вообще невозможно было держаться с достоинством. Только с животным ужасом. Или с лютой, бессильной ненавистью. Или с тем и другим сразу, что было самым распространенным вариантом.

– Капитан, – Ветров склонился в подобострастном поклоне. – Я сделал все в точности, как вы приказывали. Светловы сейчас здесь, на станции. Мои люди видели, как их корабль пристыковался к доку Д.

– Знаю, – коротко бросил Коршунов. – Мои люди уже блокируют все возможные выходы со станции. Вопрос в другом, Ветров: где конкретно находится камень?

– На их корабле, – уверенно, даже с апломбом, заявил Ветров. – Я своими глазами видел тот самый контейнер, когда загружал его пять лет назад. Светловы жадные, они не могли его выбросить. Такие люди ничего не выбрасывают, они копят.

– Жадность – это замечательное качество, – задумчиво протянул Коршунов, поигрывая дорогой ручкой в пальцах. – Жадность позволяет с высокой точностью предсказывать пове-

дение человека. А предсказуемый враг, Ветров, – это практически уже мертвый враг. С ним легко и даже скучно.

Он встал с кресла и плавно, по-кошачьи, подошел к огромному, во всю стену, иллюминатору. За толстенным, пуленепробиваемым стеклом сияли бесконечные, холодные звезды. Равнодушные, вечные, безмолвные.

– Знаешь, Ветров, – сказал он вдруг, не оборачиваясь. – Я всегда искренне удивлялся людям твоего сорта. Вы готовы предать кого угодно и что угодно ради собственной жалкой шкуры. Друзей, семью, родину, даже собственные идеалы, если они у вас были. А потом, когда приходит время платить по счетам, вы искренне удивляетесь, почему вам никто не верит и почему все от вас отворачиваются.

– Я... я просто хотел жить, господин капитан, – пробормотал Ветров, чувствуя, как подкашиваются колени.

– Жить, – Коршунов усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения, что Ветрову захотелось провалиться сквозь палубу. – Ты называешь эту жалкую, трусливую возню жизнью? Бегать, прятаться по углам, дрожать при каждом шорохе и лизать задницы тем, кто сильнее? Нет, Ветров. Настоящая жизнь – это когда ты сам берешь то, что хочешь. Когда ты сжимаешь этот мир в своем кулаке и чувствуешь, как он трещит по швам, не в силах сопротивляться твоей воле. Вот это я называю жизнью.

Он резко повернулся и в упор посмотрел на Ветрова. Взгляд у него был такой, что у того окончательно подкосились ноги, и он схватился за стену, чтобы не упасть.

– Ты мне больше не нужен, – отрезал Коршунов. – Свободен. Проваливай с моих глаз.

– Но... камень, господин капитан? – опешил Ветров. – Я же помог вам, я сделал все, что вы просили...

– Ты помог себе, – ледяным тоном отрезал Коршунов. – Иди. И не попадайся мне больше на глаза. Иначе я с удовольствием припомню тебе все пять лет, что ты должен мне работать, и кучу потраченных на твое содержание нервов.

Ветров пулей выскочил за дверь, даже не попрощавшись. Коршунов проводил его долгим, безразличным взглядом и покачал головой.

– Какие люди нынче пошли, – сказал он адъютанту, стоявшему в углу. – Ни чести, ни совести, ни гордости. Одна сплошная, липкая слизь. Смотреть противно.

– Прикажете установить за ним наблюдение? – спросил адъютант.

– Не нужно, – Коршунов махнул рукой. – Он сделает все сам. Предатель всегда предаст снова, это его суть. Вопрос лишь во времени и в том, кто станет следующей жертвой. А мне он больше не интересен.

Коршунов снова сел в командирское кресло и нажал кнопку экстренной связи с группой захвата.

– Всем группам захвата: приготовиться к активной фазе операции, – скомандовал он. – Как только эти Светловы выйдут из своего укрытия, брать их живыми любой ценой. Но особое внимание уделите парню. Младшему. Что-то мне подсказывает, что именно он – ключ ко всей этой истории.

– Почему парень, господин капитан? – удивился адъютант. – Старики опытнее, у них больше информации.

– Потому что у стариков, мой друг, уже нет будущего, – терпеливо, как неспособному ученику, объяснил Коршунов. – А у этого парня будущее есть, и он будет за него отчаянно цепляться. А цепляющийся за жизнь человек совершает фатальные ошибки. И мы на них его поймем.

Он удовлетворенно улыбнулся. Улыбка была красивая, холеная, но по-настоящему страшная, хищная, как у ястреба, который уже завидел беззащитную, трепыхающуюся добычу.

– Начинаем большую охоту, – сказал Коршунов, потирая руки. – И на этот раз, обещаю вам, добыча от меня не уйдет. Никуда.

На огромном экране уродливая станция «Балтика-7» продолжала медленно, равнодушно вращаться, даже не подозревая о том, что стала ареной для игры, в которой ставки неизмеримо выше, чем чьи-то жалкие жизни.

Гораздо выше.

Глава 6. Расстрел в упор, или Как мы чуть не стали космической пылью

«Знаете, что самое обидное в расстреле в упор? Даже помахать ручкой на прощание некогда. Бабах – и ты уже космическая пыль».

– Из последнего слова приговоренного.

Мы шли за Громовым по бесконечно длинному, узкому коридору, который, судя по устойчивому запаху плесени и застарелой крысиной мочи, не проветривали со времен Второй Галактической экспансии. Пахло так, что даже у меня, человека привычного, начало пощипывать в носу.

– Долго еще? – спросил отец, споткнувшись в темноте о какую-то трубу и едва не упав.

– Пришли почти, – отозвался Громов, останавливаясь перед массивной, покрытой слоем ржавчины гермодверью с огромным, как штурвал океанского лайнера, запорным колесом посередине.

Он уверенно нажал несколько кнопок на допотопной панели, которая, по идее, должна была рассыпаться в труху от одного прикосновения. К моему безграничному удивлению, панель вдруг засветилась мягким, приятным зеленым светом, и дверь с душераздирающим, многолетним скрежетом медленно поползла в сторону.

– Ни хрена себе, – выдохнул я восхищенно. – Это древнее старье до сих пор работает?

– Это работало всегда, – усмехнулся Громов, довольный поглядывая на дело рук своих. – Просто люди, Михаил, со временем разучились верить в то, что старые, надежные вещи могут быть гораздо лучше нового, пластикового дерьма. Привыкли к одноразовому.

За дверью открылся зал. Огромный, просто гигантский, с высоченным, теряющимся в темноте сводчатым потолком. Весь зал был заставлен невероятной, фантастической аппаратурой, какую я в жизни не видел даже на картинках. Мониторы размером с целую стену, пульта с сотнями кнопок, тумблеров и рычагов. В самом центре зала, подсвеченная снизу мягким голубым светом, медленно, величественно вращалась огромная голографическая карта звездного неба.

– Это... – начал я, не в силах подобрать слова.

– Командный центр сектора, – закончил за меня Громов с нескрываемой гордостью в голосе. – Секретный объект. Построен еще задолго до того, как нашу Старую Землю решили продать с молотка. Отсюда мы когда-то координировали тайные операции по всей галактике. Отсюда решались судьбы миров.

– Мы? – переспросил отец, с уважением оглядывая зал.

– Я и Зина, – Громов кивнул на бабушку, которая стояла чуть поодаль и смотрела на пульты с какой-то щемящей, ностальгической грустью. – И еще несколько таких же фанатиков, как мы. Большинство из них уже мертвы. Кто-то бесследно пропал при исполнении. Я, как видите, остался последним из могики. Доживаю свой век.

– Почему ты здесь, Громов? – спросила бабушка тихо, не оборачиваясь. – Почему не ушел тогда, когда была возможность? Не эвакуировался со всеми?

– А куда мне, старому, идти? – Громов развел руками. – Здесь, Зина, вся моя жизнь. Здесь и смерть моя будет. И потом, – он хитро, по-стариковски, прищурился. – Кто-то же должен был присматривать за этим хозяйством все эти годы. Чую, пригодится еще. Не зря, выходит, сидел.

– Пригодилось, – согласилась бабушка, отворачиваясь от пультов. – Теперь нам нужно срочно спрятать этот проклятый камень в надежное место. Здесь есть такое?

– Есть, Зина, есть, не волнуйся, – кивнул Громов. – Но сперва я должен лично увидеть этот артефакт. Убедиться, что он настоящий, а не очередной муляж, которым нас пытаются кормить имперцы.

Он перевел острый, пронзительный взгляд на меня.

– Ну, показывай, парень. Не томи душу старика.

Я осторожно, двумя руками, достал из-за пазухи титановый контейнер. Набрал дрожащими пальцами код доступа. Крышка с тихим шипением поднялась.

Янтарный камень лежал внутри, переливаясь в призрачном свете голографической карты неземным, завораживающим светом. Жук, застывший внутри, смотрел на нас так же пристально, как и раньше. Мне снова показалось, что он изучает меня, оценивает, запоминает на будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.